

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

№ 7
1981

Андрей
Шишкин

**Встречного
ветра!**

Молодой одесский писатель Андрей Шишкин — человек большого личного мужества. Будучи военным летчиком, выпускником училища, он попал в авиационную катастрофу, чудом уцелел и практически лишился возможности двигаться. Как всякий волевой человек, прошедший закалку в рядах Советской Армии, Андрей Шишкин не смирился с несчастием и нашел-таки способ проявить свою гражданскую активность, занявшись писательским трудом. И для здорового человека труд этот воистину титанический, требующий огромной концентрации нравственного и гражданского опыта, а для Андрея — еще и сверхвозможного физического усилия.

К тридцати годам молодой писатель создал несколько повестей, издал свою первую книгу и удостоен звания лауреата литературной премии Одесского комсомола имени Багрицкого. Герои новой повести «Встречного ветра!» — энергичные ребята, настоящие комсомольцы, инициативные люди, неустанно ищущие в увлечении дельтапланизмом возможности проявить свои лучшие качества, стремящиеся по своему реализовать вечную мечту человека о полете. Убежден, встреча с ними для читателя будет не только интересной, но и поучительной. Для меня, во всяком случае, после прочтения повести стало ясно, почему Андрей Шишкин стал писателем. В характерах героев повести «Встречного ветра!», в их упорстве и стремлении достичь желанной цели видится мне отражение личных качеств автора.

**Петр ШЕМЕНДЮК,
Герой Советского Союза**

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

№ 7
1981

Андрей
Шишкин

Встречного
ветра!

Повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1981

Художник Л. БЕЛОВ

**© Издательство «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1981 г.**

Глава 1

Плывут облака, пухлые, белые; время от времени они закрывают солнце, по аллее пробегает быстрая прохладная тень. Апрель выкрасил мир в зеленый цвет, усыпал парк жесткими чешуйками почек, снял с людей теплые одежды. Терпко пахнет тополиной смолой, воздух насыщен озоном и каким-то особенным радостным волнением.

О том, что мир устроен довольно просто, я знаю из отцовских книг. Полтора миллиона видов существующих на планете растений и организмов созданы из двух с небольшим десятков химических элементов и морской воды, в зеленых листьях фотоны света соединяют воду и углекислый газ в глюкозу, из глюкозы получается крахмал — «солнечные консервы», которые в конце концов и сгорают в клетках организма, как в маленьких топках, и наши силы — это энергия созданных солнечным светом химических связей, а чувства — электрические импульсы в нервных тканях,

В отцовских книгах было еще много интересного, и, видимо, поэтому три года назад я поступил в университет на химико-биологический факультет. Сразу же было забыто дневниково-школьное существование, как, наверное, рак при линьке забывает сброшенный панцирь, и его мягкое молодое тело быстро-быстро растет. Рак в это время увеличивается в размерах, я рос в собственных глазах от нового звания «студент», от серьезных наук университетской программы, от неограниченной свободы желаний, чувств и поступков, которой все мы тогда еще не умели пользоваться.

Отец ушел от нас, когда я поступил в университет. Ушел без скандалов и оскорбительного выяснения отношений к аспирантке из института, где он работал. В последний день сбивчиво говорил маме, сверкая золотым зубом, о родстве душ, единстве взглядов, общности интересов. Мама отнеслась к его уходу внешне спокойно, с горькой иронией даже объяснила мне, что в возрасте каждого мужчины бывает период, когда возникает желание поменять сорокалетнюю жену на две двадцатилетних.

— А детей? — спросил я.

Мама вздохнула: мужчины любят в детях жену, женщины в муже — детей, значит, оставшись вдвоем, мы ничего не теряем, кроме его присутствия.

После летней сессии началась практика. В городе цвели тополя. Пух устилал улицы, заполнял ямки, канавки, неровности дороги. Вот тогда я и встретил в парке отца с аспиранткой. Она оказалась молодой милостивой женщиной, на «хищницу» непохожей, и заочное озлобление на нее сразу рассеялось. Отец отпустил бородку-эспаньолку, бодрился, заискивал. Суетливость этого немолодого мужчины с легкомысленной бородкой вызывала щемящее сочувствие. Он был говорлив, как конферансье, хотя дома в последнее время отец не произносил и десяти слов подряд. Может быть, поэтому в память мне врезалась фраза, как-то сказан-

ная им по телефону: «Рецессивные гены в генотипе, подавленные доминантными генами, не проявляют себя в фенотипе».

Тут я увидел Раису с Томасом.

Мы учились в одной группе. Раиса была женственной, спокойной и склонной к полноте, видимо, поэтому все называли ее полным именем. Среди остальных девчонок группы она выглядела классической девушкой рядом с преждевременно созревшими подружками, потому что со вчерашними тихими и скромными абитуриентками после зачисления происходили странные метаморфозы: нормальные симпатичные девчонки начинали уродоваться косметикой, простецкими до развязности манерами и курили так, словно каждая сигарета последняя перед атакой.

Раиса в крайности не впадала, к ребятам относилась как к сильной, но явно неразумной половине человечества. Которая, однако, при случае может быть полезной. Во всяком случае, из дружбы с Томасом она извлекала массу выгод.

Томас был высок, нескладен, он изображал из себя циника, старательно записывал лекции, конспектировал первоисточники.

У меня с ней отношения были самые обыкновенные. Изредка ловил на себе ее долгие задумчивые взгляды, после которых Раиса кивком отбрасывала на спину темные блестящие волосы, словно избавлялась от каких-то тайных мыслей. Садилась рядом со мной на лекциях, занимала место в столовой, два раза сходили в кино.

В тот вечер Раиса была в легком открытом платье и предельно женственна; взволнованный близостью с ней, Томас был весел и оживлен. Посидели в кафе. Потом пошли на карусель. Раиса шепнула: «Надоел он мне до страсти...», и мы убежали, оставив Томаса носиться на фанерном истребителе. Бегство сблизило нас,

как заговорщиков. Вечер, тишина, далекая музыка с танцплощадки и легкий пух, лежавший под ногами теплым невесомым снегом, делали мир добрым и пушистым. И неожиданно я начал рассказывать об отце... Раиса слушала внимательно и сочувственно, изредка понимающе кивала, отчего волосы падали на щеки, и она убирала их плавными неторопливыми движениями, словно боялась помешать мне выговориться.

Сначала это вызывало лишь тихую благодарность. Но, машинально выбирая из волос Раисы запутавшиеся тополиные пушинки, я осторожно привлек ее к себе. Она коротко вздохнула и подалась мне навстречу... Все, что произошло потом, вспыхнуло в нас обоим одновременно. У меня все же хватило ума понять, что Раису толкнула ко мне не пламенная любовь, а скорее извечная женская потребность любить, жалеть, успокаивать.

После разрыва с отцом мама вроде бы не изменилась. Иногда по привычке ставила на стол три столовых прибора, это отец установил, чтобы были полные столовые приборы и накрахмаленные салфетки белыми конусами.

После первого курса я собрался узаконить наши отношения с Раисой и, пока она отдыхала у родителей, начал делать дома капитальный ремонт. Мама пошла покупать обои, но вместо десятиметровых рулонов ей подсунули семиметровые. Я пошел в магазин разбираться. Продавец, здоровый молодой парняга, сделал вид, что ничего не понимает. Слово за слово, схватились с ним врукопашную, расколотили витрину. В течение всего года в душе кто-то подтягивал невидимую струну, она наконец лопнула с высоким жалобным звоном, и какая-то неведомая злая сила захлестнула меня, переполнила, требовала выхода, решения, поступка. Приехала милиция, составили протокол...

В сентябре я опять стоял на ковре в кабинете дека-

на, выслушал много слов о своем поведении, недостойном звания студента. В тот же день я пошел в военкомат. Не ради искупления вины, конечно. Просто биология в моем представлении была тогда «отцовской» наукой, а значит, как и все связанное с ним, для меня фальшивой и ненужной.

Мама переехала в этот городок через полгода после моего отъезда в армию. На свою родину, где родилась, росла и встретила с отцом, когда тот еще студентом проходил практику на местной птицефабрике. Ее родителей давно не было в живых, на месте их старого дома стояли типовые пятиэтажки, от прошлого остались только память и родные могилы.

Я приехал сюда прошлой осенью, в ноябре. От вокзала до своего нового дома шел пешком, потому что с момента, когда старшина роты выдал проездные документы, торопиться стало некуда. Почетные обязанности закончились демобилизацией, но состояние было такое, словно сбежал с лекции: восторженное чувство неограниченной свободы, а где-то в глубине души тайная тревога за завтрашний день.

Над городком висело серое тяжелое небо. Из-под колес машин летели брызги мокрого осеннего снега. Возле вокзала мерзла скульптурная композиция, районный модерн на космическую тему: некто «Он» и некто «Она» рвались в холодное пространство из алюминиевых одежд. Вдоль улиц стояли коробки типовых пятиэтажных домов. Может быть, оттого, что в армии «гражданка» представлялась радостным солнечным раем, потому ли, что всю жизнь я прожил в областном центре, знакомство с городком было удручающим. Мама работала здесь заведующей новым детским садом, часто дежурила по ночам вместо заболевших воспитательниц и постоянно — я бывал у нее в кабинете — «выколачивала» какую-то облицовочную плитку, детскую мебель, продукты, игрушки. А для меня здесь все временное:

работа, люди, даже ширма в комнате, за которую я ставлю на ночь раскладушку, тоже временная. Потому что летом навсегда уеду отсюда, имею полное право восстановиться в университете, за два года было время подумать и понять, что глупо связываться с отцом биологию.

Речка делит наш городок пополам. Сверху хорошо видна улица от вокзала до моста, золоченый купол церкви, где теперь краеведческий музей, и небольшая пристань, куда раз в сутки причаливает маленький плоскодонный катерок. Ниже моста речка поворачивает вправо, огибая большую плоскую равнину. С другой стороны равнины поднимается склон с нарядным зданием Дома культуры.

На том склоне я впервые увидел белый треугольник в окружении маленьких разноцветных фигурок, он медленно заскользил вниз по склону, словно большой воздушный змей. Фигурки посыпались следом. Попытка взлететь окончилась для змея печально: он ткнулся носом в землю.

К полетам я испытывал вполне определенное отношение: для летчиков это работа, для пассажиров возможность сократить время и расстояние. Из школьной программы мне помнилось, что мускульной силы человека для полета недостаточно, нужен мощный авиационный мотор. Такие вот треугольные змеи как-то видел по телевизору, но смотрел передачу невнимательно, слушал рассеянно, большое дело — люди уже ходили по Луне, репортажам с орбитальных станций никто не удивляется! Но смастерить такую штуку и попробовать полетать можно, да и надо было чем-то заняться, чтобы вечерами после работы не загибаться от скуки и безделья.

В армии я был автоматчиком, а на «гражданке» такой специальности нет, и на работу в мастерскую «Рембыттехника» я устроился только потому, что она была недалеко от дома. Через две недели мне стало ка-

заться, что люди в этом городке целыми днями стирают белье в стиральных машинах, шьют на швейных машинках, пишут на пишущих, а в свободное от этих занятий время носят бытовую технику к нам на ремонт. План мастерская выполняла почти на двести процентов и, получив первую получку и премиальные одними железными рублями, я ссыпал деньги в карманы и по дороге до дома держал руками сползающие брюки. В штате мастерской было три пожилых специалиста: часовщик, обремененный долгами за устроенную дочери свадьбу, мастер по пишущим машинкам, арифмометрам и прочим механическим устройствам и шеф-электрик, почетный член районной секции городошников, целыми днями рассказывавший, кто, как и куда метнул биту. И еще мы с Глебом. Смуглый, черноглазый, примерно одного возраста со мной, он работал ловко, говорил мало, в разговорах отделялся согласными или несогласными кивками, заменяющими слова жестами.

Однажды в обеденный перерыв я рисовал на листке бумаги треугольного змея, размышляя, как он изготовлен, из чего и почему летает. Глеб увидел мой рисунок и спросил:

— Интересуешься дельтапланеризмом? Пробовать наобум не советую. Все, что тяжелее воздуха, падает. У меня есть кое-какие материалы, могу принести.

На следующий день он принес пачку вырезок из газет и журналов, и я узнал, что на легких матерчатых аппаратах без моторов люди поднимаются на высоту до шести тысяч метров и держатся в воздухе до двадцати пяти часов. Летали люди в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет на одиночных и парных дельтапланах — австриец Отто Хофштеттер катал невесту на высоте две тысячи шестьсот метров.

Глеб спокойно выслушал мои восторги и снисходительно сказал, что простота — это хорошо усвоенная сложность, а дельтаплан аэродинамический летатель-

ный аппарат и поднимается в воздух благодаря подъемной силе и динамическому парению. Набросал на листочке несколько формул — скорость, площадь несущей поверхности крыла, какие-то коэффициенты. Мы решили строить аппарат вместе. По снимкам и рисункам составили чертеж, трубы для каркаса купили в хозяйственном магазине, оставалось найти ткань для паруса и придумать подвесную систему для пилота.

Глеб когда-то учился в аэроклубе, и старые приятели помогли ему достать списанный парашют. На просторной веранде дома, где жил Глеб, мы начали кроить парус. Пришел с работы тесть Глеба, большой, грузный, неторопливый мужчина. Он попробовал парашютные стропы на прочность.

— И зачем это?

— Летать, — коротко сказал Глеб.

Тесть нахмурился, будто в этом слове было что-то предосудительное.

— Слон в цирке на одной ноге стоит потому, что под остальные три ему ток подводят. А ты уже третий десяток разменял, пора по-умному за жизнь цепляться. Только добро на пустую дурь переводите.

Глеб молчал. Каждая семья похожа на маленькое государство со своей историей и внутренней политикой. По всему было видно, что отношения с тестем у Глеба натянутые.

Выручила нас Люба, жена Глеба, она работала в библиотеке и предложила арендовать по вечерам читальный зал. Заведующая сначала не соглашалась, но в библиотеке не было уборщицы, а мы пообещали поддерживать идеальную чистоту. Заведующая разрешила работать, но предложила оформить кого-нибудь из нас уборщицей по совместительству.

Глеб с детства мечтал стать летчиком, окончил аэроклуб, поступил в военное училище. После аэроклуба летная практика давалась ему легко, и в самостоятельных полетах Глеб усложнял ее. Однажды, опустившись

в бреющем полете пониже над лесочком, он почувствовал какой-то удар. На посадке самолет завалился вправо. Глебу чудом удалось убрать крен, но от удара о полосу сломалась стойка шасси, погнулась законцовка крыла.

На большой скорости веточка распоролла обшивку крыла, заклинила замок закрылка, и при посадке тот не вышел. За вывод боевой техники из строя Глеба отчислили.

Люба, единственная дочь у родителей, как нередко бывает в таких случаях, считала, что мир похож на ее родной дом, все люди на ее близких. После восьми классов поступила в культпросветучилище и, окончив его, попала по распределению в городок, возле которого находился аэродром.

Видела, как взлетают и стремительно уходят в небо самолеты с маленькими треугольными крыльями — это днем, а ночью в звездную темноту с ревом уходили столбы тугого пламени. Однажды на танцплощадке смуглый черноглазый курсант пригласил ее танцевать... потом предложил погулять по Киеву. До Киева было далеко, как до горизонта, она в шутку согласилась. Но через час они были в ближайшем аэропорту. Сразу же сели на самолет, приземлились в Жулянах. Потом было кафе «Крещатик» с театрализованным представлением — жонглеры, фокусники, гимнастки; бесконечно длинный Воздухофлотский проспект; какие-то деревья вдоль проспекта, может быть, знаменитые киевские каштаны...

Глеб и сам не мог объяснить, зачем пустился в это рискованное путешествие. И не то чтобы девушка очень понравилась или хотел поразить ее воображение, а просто ударила такая блажь в голову. Да и перед приятелями потом рисовался, вот, дескать, как лихо и красиво надо жить!

После отчисления хотел вернуться в Москву и летать в аэроклубе, но в документах пятно: «За недисципли-

нированность...» Вот в таком состоянии Глеб встретил Любу второй раз, и в этот городок они приехали мужем и женой.

Папа в дочери души не чаял, к свадьбе подарил ей голубой «Запорожец». Глеб, тоскуя по самолетам, начал собирать материалы о дельтапланеризме.

Первый наш дельтаплан был готов в декабре. На испытаниях он упорно отказывался летать, получались какие-то длинные, размашистые прыжки-подскоки вниз по склону. В субботу Глеб поехал в Москву, встретился там со спортсменами-дельтапланеристами и вернулся с ворохом печальных для нас новостей и открытий. Для паруса необходима легкая, прочная и воздухо непроницаемая ткань. Лучше всего дакрон, на худой конец болонья.

Мы нашли подходящий кусок болоньи в магазине уцененных товаров, но купить тридцать квадратных метров даже уцененной ткани за наличный расчет могли только месяца через два-три по самым оптимистическим планам. Продавец сказал, что покупку можно оформить и по безналичному расчету. Я пошел на завод краностроения.

В заводском спорткомитете без дипломатических тонкостей изложил суть дела. Председатель, парень лет тридцати с квадратным, до синевы выбритым подбородком и густыми, сросшимися на переносице бровями, выслушал меня внимательно. обстоятельно расспросил: обеспечит ли дельтаплан массовость, может ли быть использован для проведения оздоровительно-спортивных мероприятий? Дело в том, что средства у комитета есть, но решено в этом году купить моторные лодки и тем самым оживить работу общества охотников и рыболовов, усилить водно-моторные виды спорта.

Когда председатель узнал, что я на заводе не работаю, он нахмурился, сурово посмотрел на меня, как следователь на преступника, и сухо сказал: «Здесь,

товарищ, коллектив! Организация здесь, а не благотворительное общество...»

Мы с Глебом еще раз прикинули наши возможности на покупку болоньи и решили впрессовать в парашютную ткань полиэтиленовую пленку для воздухопроницаемости.

Работать в читальном зале мы могли только после закрытия библиотеки. В тот декабрьский вечер домой я возвращался поздно, и в подъезде, стряхивая с шапки воду, услышал какой-то всхлип под лестницей. На ящиках возле двери, ведущей в подвал, сидела девчонка. Она попыталась встать, но не смогла. Я помог ей, поставил на ноги и услышал:

— Роскошный вельможа предложил ей руку и подвел к другому господину, тоже богато одетому...

Пытаясь понять смысл сказанного, я довел ее до квартиры, стащил с головы тонкий платок. У нее были яркие пухлые губы, пышные волосы собраны на затылке в «бабушкин узел», глаза полусонно прикрыты. Когда я начал расстегивать ее пальто, она пробормотала:

— Граф, вы позволяете себе слишком смелую ласку. Вытряхнув гостью из легкого, на «рыбьем меху», пальтеца, я указал ей на дверь в ванную...

Из ванной долго доносился плеск воды, потом слышались шлепанье босых ног и характерные звуки выжимаемого белья. Я нашел старый мамин халат и постучал.

— Возьми одежду!

— Положи там... И уйди!

Через минуту она появилась в кухне. Хмельная расплывчатость исчезла, а темные глаза смотрели то дерзко, то доверчиво. Села за стол и стала греть ладони о чашку с горячим чаем.

— «Когда госпожа Левингстон раздела герцогиню и на той осталось одно жемчужное ожерелье, из глаз ее

брызнули слезы...» А я тебя сразу узнала, ты сын заведующей детским садом. Я ей все расскажу!

— Валяй. Сколько тебе лет, детка?

— Семнадцать.

— Значит, пятнадцать.

— Шестнадцать с половиной.

— Понятно... С какой же радости ты так набралась?

Она понесла какую-то околесицу о легком анжуйском вине, о бароне, который осыпал ее руки страстными поцелуями.

Разозлившись, я ушел в комнату, достал бумагу и уселся за стол. По дороге домой у меня появилась идея. Двумя линиями я нарисовал склон, на нем рельсы: для взлета дельтаплану нужен хороший разбег. Поставим на рельсы тележку: скатываясь, она разовьет скорость и аппарат полетит при любом, в сущности, направлении ветра.

Я рисовал человечка под треугольным парусом, когда девчонка вошла в комнату и по-хозяйски развесила на батарее свой мокрый черный свитерок. Потом уселась перед маминым зеркалом, взбила подсохшие волосы, потянулась к флакончику с лаком для ногтей. Я не вытерпел:

— Все, детка! Нагулялись, будем спать. — Увидел ее быстрый настороженный взгляд и пояснил: — Не трясись. За ширмой раскладушка.

Она пренебрежительно дернула плечиком и принялась красить ногти, отставляя пальцы и разглядывая свою работу.

— Я тебя видела, когда приходила в детский сад за сестренкой, — сказала она.

— Тебя как зовут?

— Лилия. А вас, граф?

— Монте-Кристо, — буркнул я. — Как же мне отправить тебя домой?

Она наконец оставила лак в покое, подула на ногти.

— Мне и здесь хорошо. Отец все равно будет до утра

заниматься переводами идиллий Феокрита, а мама перед сном читает «Декамерон» Боккаччо и спит без задних ног.

— Повезло тебе с родителями!

Она посмотрела на меня, подошла к столу, увидела рисунок дельтаплана и спросила, что это такое. Мои пояснения слушала завороченно, пухлые ее губы превратились в розовое колечко, и наконец с подкупающей искренностью задала вопрос:

— А зачем летать?

И я впервые задумался: действительно, зачем люди летают на этих аппаратах, если давно есть самолеты, вертолеты, планеры? Ответил уклончиво:

— Сказки еще помнишь, детка? Синдбад-Мореход рассказывал о чудесной стране, в которой у людей каждую весну вырастали крылья. Счастливому человеку... ну просто позарез нужны крылья! Для полноты ощущений.

— А я смогла бы полететь?

— Мала еще. Иди спать!

Девчонка капризно скривила губы. За ширмой она поскрипела пружинами раскладушки и, кажется, угомонилась.

Я постелил себе на диване, где обычно спала мама. Уже в полудреме услышал, как девчонка вполголоса заговорила:

— Есть вроде все: хорошая работа, еда, одежда, пол и потолок... Есть вроде все: хорошая работа, еда, одежда, пол и потолок. Но не хватает главного, полета, дороги вверх сквозь облака тревог. — В ее словах чувствовался какой-то ритм, она на слух искала его, повторяя фразы по несколько раз. — Когда волнует лишь одна забота: спешить, скорей, чтоб многое успеть... Когда волнует лишь одна забота: спешить, скорей, чтоб многое успеть... Меня к земле притягивает что-то, чего-то не хватает, чтоб взлететь!..

Глава 2

В конце аллеи показалась Лилька, она шла быстро, почти бежала, полы светлого плащика разлетались в стороны. Увидев меня, поправила растрепавшиеся волосы и взволнованно выпалила:

— Полчаса назад в библиотеку приходил Боб.

— Да? И признался, что любит тебя?

— Герцогиня разразилась диким хохотом. Он взял дельтаплан. — Лилька пристально посмотрела на меня. — Боб пошел на склон, сказал, что все будет олл-райт!

— Где же ты была раньше? — простонал я.

— Бегала к тебе домой. У вас гости.

— Э-э-эх! Беги теперь к Глебу!

Лилька что-то кричала мне вслед, но я уже мчался через парк к берегу речки, это самая короткая дорога к Дому культуры. По узкой тропинке вниз, только бы не свернуть шею, теперь длинный пологий подъем...

Треугольник дельтаплана заскользил вниз — «поймал ветер», движения его стали плавными. Аппарат продолжал набирать высоту, изредка поклевывая носом. На прошлых испытаниях выяснилось, что у него передняя центровка. Мы с Глебом не успели исправить этот недостаток.

Дельтаплан приближался, уже можно было различить трапецию, передние килевые растяжки и белые буквы на бордовом мотоциклетном шлеме висевшего под парусом Боба. Упругий порыв ветра подбросил аппарат. Боб судорожно толкнул трапецию вперед.

Дельтаплан с жуткой медлительностью взмыл и, неловко заваливаясь набок, пошел к земле и врезался в раскидистый куст. Ветки с треском вспороли накрывший их парус, словно проросли сквозь него, и аппарат застыл бесформенным комом из ткани, веток и алюминиевых труб.

Я поднял парус и увидел сидящего на земле, весело

ухмыляющегося Боба. Одной рукой он расстегивал замок подвесной системы, другой шутливо сделал под козырек:

— Прилетели, мягко сели!..

Освободившись от ремней, он попытался встать, но охнул и повалился — его левая ступня была неестественно вывернута.

Я оттащил остатки дельтаплана в сторону, машинально отметив сломанную боковую трубу, погнутый лонжерон и завернувшийся киль.

Глядя на свою ногу, Боб болезненно морщился, но говорил с наигранным безразличием:

— Чепуха! Блерио тоже падал, но поднимался — и вперед, через Ла-Манш! Я ведь думал, что все обойдется, Бармина пригласил...

Подбежали возбужденные, запыхавшиеся ребята. Я заорал, чтобы кто-нибудь вызвал «Скорую помощь». Васька ошалело глянул на меня и, резко повернувшись, столкнулся с каким-то мужчиной. Я узнал Бармина. Отряхнув брюки, он выразительно глянул в мою сторону: доигрались, мол. Боба окружили друзья и неизвестно откуда набежавшие зеваки. Мальчишки шныряли под ногами, восторженно рассматривая дельтаплан, каждый старался потрогать его руками. Я начал подсчитывать повреждения: парус разорван в клочья, болты регулировочной линейки срезаны, растяжки вырваны из бандажей. Восстанавливать аппарат бессмысленно. История местного дельтапланеризма закончилась, не успев начаться.

Подпрыгивая на кочках, примчался голубой «Запорожец». Из него выскочила Лилька, за ней вышли Люба в длинном вечернем платье и Глеб в строгом черном костюме-тройке, с наброшенным на шею, но незавязанным галстуком. Плавно подкатила «Скорая помощь».

Глеб выбрался из толпы.

— Куда собрались? — спросил я.

— В Москву. Ребята обещали достать билеты в «Современник». — Он начал ловко завязывать галстук. — Да! Боб сейчас поклялся продать мотоцикл, но купить ткани на новый парус.

Подошли девушки. Люба неопределенно пожимала плечами, а Лилька возбужденно тараторила. Когда врач потрогал ногу и Боб испустил болезненный стон, брови ее сочувственно выгнулись.

— У него закрытый перелом!

Глеб насупился, достал сигарету и долго не мог зажечь спичку. А Лилька уже бежала к «Скорой помощи», куда ребята несли носилки с Бобом. Врач в надетой на лоб белой шапочке подтолкнул носилки, и они въехали в машину. Лилька впрыгнула следом.

— Эй! Стоп! Куда? — закричал врач, пытаясь поймать Лильку, она взвизгнула, изогнулась и шлепнула врача по руке. Тот усмехнулся:

— Огонь девка! Кто еще поедет?

«Волга» плавно покачивалась на амортизаторах. На какой-то кочке резко накренилась, и Боб охнул. Лилька испуганно покосилась на его ногу с наложенной шиной, прижала руку Боба к груди. Тот побагровел, неловко высвободил руку и хрипло сказал: «Закурить бы...» Лилька наклонилась к окошку водителя:

— Товарищ доктор, можно больному закурить?

Врач покосился на нее и кивнул:

— Валяйте! Но не затягивайтесь, вредно.

— И этот учит! — вздохнул Боб.

— А ты дурак! — сказала Лилька. — Риск ему нужен. Ведь разбиться мог. — Всхлипнула и закрыла лицо руками.

Боб закурил и с показным безразличием уставился в потолок. Лилька вытерла щеки и попыталась улыбнуться.

— «У герцогини бывают нервные припадки и придворный врач советует лечить их благовониями».

Наблюдавший за ней из кабины врач сказал шоферу:

— У меня дома такая же «герцогиня» растет. Начиталась «Анжелик», понимаешь, и тоже с ума сходит — короли, бароны, куртуазная любовь. Забивают себе головы черт-те чем!

С Бобом я познакомился на следующий день после того, как обнаружил Лильку под лестницей. Она ушла рано утром. На улице от выпавшего снега было светло и празднично, глаза слепил холодный солнечный свет. Возле ворот стояла красная «Ява» с высоким выгнутым рулем, явно самодельным. На багажнике стоял «ВЭФ». Рядом приплясывал посиневший от холода парень в черной кожаной куртке с «молниями» на груди и карманах, в бордовом мотоциклетном шлеме с белой надписью латинскими буквами: «Бобби Халл». Со злобщей многозначительностью он сказал:

— Как говорил Юлий Цезарь: «Куй железо, пока душа горит!» — и хорошо отработанным ударом в подбородок отбросил меня к стене дома.

После второго звенящего удара по уху я понял, что меня бьют со знанием дела и, видимо, с удовольствием. Драться грамотно и расчетливо, как показывают в кино, я не умею. Я просто двинул парня в грудь, тот опрокинулся, но быстро вскочил и с мрачной сумасшедшинкой в глазах снова направился ко мне. В этот момент во двор влетел огромный мужик в ватном затасканном полупальто и с ходу сшиб парня с ног тяжелым кулаком. Мужик бросился к упавшему парню и бешено заорал:

— Где Лилька была ночью?

Парень посмотрел на меня. Оглянулся и мужик. Первый порыв ярости у него прошел, но огромные кулаки еще вспарывали воздух, словно из мозга удалили прецентральную извилину, отчего остались только грубые некоординированные движения. В разрезе расстег-

нутой почти до пояса рубахи виднелась застиранная тельняшка.

— Новый хахаль? Яс-сное море! — Выглядел он воинственно, но уже успокоился и оценивающе осмотрел меня с головы до ног. — У тебя с ней по-настоящему или вроде этого, — он кивнул на парня, — по углам отираться? Смотри у меня! Если что, изувечу.

Когда он ушел, парень облегченно вздохнул и достал сигареты.

— Пронесло! Хорошо, что трезвый. А то выдал бы он нам по первое число. — И по-дружески протянул мне сигареты.

— Не курю, — отказался я. — Так это ты бросил девчонку в подъезде?

Парень растерянно взъерошил светлые длинные волосы и заговорил с неожиданной откровенностью:

— Ведь как все получилось? Собрались побалдеть. Лильку выгнали из школы, я ходил к директрисе заступаться. Черт меня дернул!

Он щелчком отбросил сигарету и принялся торопливо заводить мотоцикл. Из выхлопной трубы выскакивали синие венчики дыма, но мотор не запускался. Парень сел в седло и попросил подтолкнуть. Метров через тридцать мотор заревел, мотоцикл помчался по улице, заднее колесо заносило из стороны в сторону, снежная пыль искрилась на солнце и медленно оседала.

В наше последнее утро Раиса сидела на кровати, завернувшись в простыню, словно чего-то ждала. Практика подошла к концу, общежитие сдавалось абитуриентам, и я предложил Раисе провести каникулы в городе.

— Ты наивный, как все мужчины. Где я буду жить?

— У нас, — сказал я. — Если уж все это случилось, я должен жениться на тебе, как честный человек. Сегодня же и отнесем заявление в загс.

Раиса вспыхнула. Стыдливостью она не страдала, чего уж нам было стыдиться и скрывать друг от друга, а

тут еще плотнее завернулась в простыню и попросила меня отвернуться. Потом долго укладывала в чемодан платья, кофточки, еще что-то голубое и розовое, рассеянно перекладывала вещи с места на место. Не глядя на меня сказала, что решила все-таки съездить домой, посоветоваться с родителями. По пути на вокзал Раиса невпопад отвечала на мои вопросы, на шутки не реагировала, но я посчитал это расстройством перед разлукой. Перед отходом поезда она попросила записать ее адрес. Я записал, но в тот же день начал делать в квартире ремонт, потом добавились неприятности из-за расколотой витрины, стало совсем не до переписки.

Раису встретил только в университете. Она долго молчала, потом знакомым жестом отбросила упавшие на плечо волосы и спокойно сказала, что летом мы оба немножечко сошли с ума. Плохого и нечестного не было, но не было и любви. Впервые за день она посмотрела мне в глаза с мучительным ожиданием, как утром перед отъездом. Оказалось, что она ждала от меня одного-разъединственного слова «люблю» и осталась бы в городе, даже если пришлось бы ночевать на скамейках в парке, а я будто расплатился за все: «Как честный человек!..» Перед отъездом специально оставила адрес, надеялась, что я на худой конец в письме напишу это слово.

— Слово это чисто женское, — растерянно буркнул я.

Раиса посмотрела на меня, как вожатая на непонятливого пионера: в любви нет по-мужски или по-женски, есть по-человечески, когда откровенных слов, нежности и желаний никто не стыдится и не скрывает. Любовь заставляет одного человека чутко чувствовать настроение и душевную боль другого, а у нас этого не получилось.

— Мы завтра же подадим заявление!

— Зачем? — с болью в голосе спросила она. — Чтобы жить под одной крышей чужими людьми и всю

жизнь обманывать друг друга искусственной нежностью, вниманием и доверием. Я не хочу подменять чувства привычками. — И беспомощно, просительно добавила: — Заставь меня поверить, убеди, докажи!

Пока я раздумывал, как и чем убедить ее в искренности моих чувств и порядочности побуждений, в университет пришло письмо из милиции с сообщением о расколотой витрине.

Военкомат. Призывной пункт. Военный духовой оркестр на перроне. Трудности воинской службы я переносил, как и положено по уставу, с достоинством и честью.

Только после демобилизации я узнал, что еще в прошлом году Раиса вышла замуж за Томаса...

Впрессовывать утюгом в ткань полиэтиленовую пленку дело нетрудное, но утомительное, и домой я возвращался поздними вечерами. Однажды вечером, едва я успел снять в коридоре куртку, из кухни вылетела «герцогиня» в тонком черном свитере, в короткой замшевой юбочке и в сапожках на крепких ногах. Симпатичная, стройненькая, она еще по-девчоночьи мило косолапила. Следом за ней в коридор вышла мама и укоризненно сказала, что я уже взрослый и надо хорошенько подумать, прежде чем учить этому девочек.

— Чему это? — глупо переспросил я, пытаюсь угадать, что могла наплести эта легкомысленная сумасбродная девчонка.

— Не девичье это дело — летать!

Я облегченно вздохнул, помог девчонке надеть легкое демисезонное пальтецо и открыл дверь.

На улице было морозно. Лилька присмирела, но снег под ее сапожками скрипел звонко и радостно. Я сурово откашлялся, собираясь раз и навсегда поставить крест на нашем знакомстве, но Лилька торопливо заговорила, что она не навязывается, однако в прошлый

раз я пригласил ее летать, вот она и пришла узнать...

— У тебя на это времени не хватит.

— Чего другого, а времени у меня предостаточно!

Я вспомнил рассказ агрессивного мотоциклиста о том, что ее исключили из школы. В своем тонком пальтишке она зябко ежилась, пританцовывала, постукивая ногой по ноге, выглядела маленькой и жалкой.

Утром я рассказал о девчонке Глебу, надеясь услышать от него категорическое «нет!». Но он подумал и, будучи не особенно разговорчивым, неопределенно пожал плечами, оставляя за мной право решить этот вопрос.

В обеденный перерыв я сидел в кабинете директрисы, худощавой женщины в строгом сером платье, с холодными серыми глазами и гладко зачесанными русыми волосами. В ее уверенном голосе слышались властные нотки.

— Вы имеете в виду Лилию Белую? — Директриса устало закрыла глаза ладонью. — Недавно сюда уже врывался один защитник... Ну что я могу сказать? Девчонка она энергичная, общительная, играет в волейбольной команде. Отношения с одноклассницами ровные, особенной дружбы ни с кем не водит, все больше с мальчишками.

— Не за это же ее исключили?

— Никто ее не исключал, — досадливо поморщилась директриса. — Вы ближе к ней по возрасту, наверное, и по интересам, помогите мне разобраться! Понимаю, рождается человек, но это оригинальничанье, максимализм, категоричность! Очень уж своеобразная, я сказала бы, противоречивая натура. Преподаватель литературы у нас часто болеет, его уроки веду я и могу сказать, что девочка начитанна, может самостоятельно мыслить, некоторые суждения очень оригинальны. Но существуют же границы возможного! Например: для девушек установлена единая школьная форма, а Белая посещает занятия в такой фривольной

юбочке, фартучек чисто декоративный. — Она подвинула к себе лист бумаги, поставила на нем галочку. — В школе масса положительных мальчиков, спортсменов и отличников учебы, а она дружит только с «трудными», как говорится, ребятами. Девушка в компании, где шум, грубость, ужасный жаргон. Это печальное зрелище... Болези самоутверждения у большинства проходят, у некоторых перерастают в обесценивание чувств и пошлое упрощение отношений, а Белая выпускница. Я дважды пыталась поговорить с ней по душам, но встретила только дерзость. К своему стыду, во второй раз сорвалась, накричала... Господи, на собственную дочь нервов не хватает! — Она беспомощно развела руками, и я увидел просто пожилую усталую женщину. — А вы пришли заступаться?

— Откровенно говоря, да.

— Скажите ей, чтобы не делала глупостей. В конце концов, не могу же я бегать по городу за каждой ученицей!

Вечером, как и договорились, Лилька пришла в читальный зал библиотеки. На Глеба она посмотрела искоса: можно ли, дескать, верить? Сделала корявый реверанс. Глеб угрюмо насупился.

В зал вошла Люба. Лилька тихо сказала:

— «Натура слабая, сотканная из грации и чувствительности».

Пока девушки знакомились, мы сдвинули в сторону столы и расстелили на полу парус. Лилька пощупала парашютную ткань, накинула уголок себе на плечо, словно собиралась шить платье и прикидывала, идет ли ей эта расцветка. Потом посмотрела на Глеба через полиэтиленовую пленку и с сомнением сказала, что на этом вряд ли можно летать.

Глеб поплевал на горячий утюг и спросил:

— Ты думаешь возвращаться в школу?

Лилька вызывающе прищурилась:

— Что, уже узнали? Навели справки?

— Никуда она не денется, — вмешался я.

— Да идите вы все! — Лилька повернулась и ушла.

— Мужики вы, мужики! — укоризненно сказала Люба. — Человек переживает. Тут душевная деликатность нужна. А вы как лесорубы.

Она увела Лильку в служебную комнатку за стеллажами, а через час позвала нас пить чай. На столе стояли чашки, сахарница, чайничек для заварки. Лилька сидела в уголке старого кожаного дивана, лицо ее было зарвано, губы некрасиво припухли. Отворачиваясь от меня и Глеба, на вопросы отвечала Любе.

В школу она все-таки решила вернуться, надо было узнать, можно ли ей по совместительству устроиться на работу.

— А что, если уборщицей в библиотеку? — предложила Люба.

Лилька шмыгнула носом.

— От своего креста не уйдешь, — сказала она, явно подражая кому-то. — Ладно, я согласна. Все работы хороши, кроме нечестных. А летать меня возьмете?

Запыхавшись, Лилька прибежала в библиотеку. сбросила свое легкое пальтецо и стала греть на батарее руки. Под окнами затрещали моторы мотоциклов и стихли, затем ломкий хриловатый тенор с озорством пропел: «Я жду тебя уж целый час, пою тебе сигнал. К тебе я больше не приду, в гробу тебя видал...»

— Выследил! — Лилька закусил губу. — Три вечера я пробиралась сюда как разведчица. Но разве в нашем городе спрячешься?

— Любимый преследует? — спросил я.

— Любимый или нет, но сейчас он разнесет дверь в щепки!

Глеб взвесил на ладони деревянный молоток, взглядом приказал мне остаться и молча вышел на улицу. Лилька приникла к замочной скважине.

— Подходит, — шептала она. — Здороваются, закуривают... — Вдруг она прыгнула от двери и заметалась с явным желанием спрятаться.

Вошел мой знакомый в бордовом мотоциклетном шлеме и кожаной куртке. Лилька уничтожающе глянула на него и вызывающей походкой ушла в читальный зал. Парень побагровел.

— Где-то я тебя видела, — задумчиво сказала Люба.

— Возле кинотеатра «Октябрь». Мой портрет там висит на стенде «Не проходите мимо», — с горделивыми нотками в голосе сообщил парень. — Умыкнули из музея шашку со стенда о гражданской войне и устроили джигитовку на мотоциклах. Навтыкали, значит, в землю прутьев и рубили их на полном ходу. Выдали, одним словом.

Люба отвернулась, с трудом сдерживая смех. Глеб закашлялся. Провел парня в читальный зал и указал на разложенный на полу дельтаплан.

Боб с уважением потрогал ремни парашютной подвесной системы, пощелкал блестящим замком, в его глазах появился восторг и детское искреннее любопытство. Пока я впрессовывал в парус пленку, Глеб рассказывал о воздухонепроницаемости, центровке, продольной и поперечной устойчивости летательного аппарата, о том, что дельтапланы приземляются почти за двести километров от места взлета. Боб взъерошил длинные светлые волосы и возбужденно заговорил. Они с ребятами тоже пытались построить аппарат, но без науки ничего не получилось. Каркас сделали на глазок, парус сшили из простыней, про подвесную систему и вспоминать не хочется. Он опять пощелкал парашютным замком и попросил:

— Возьмите в свою компанию. Я слесарь, пригожусь.

На следующий вечер вместе с Бобом пришли еще трое ребят.

Глеб, не глядя на компанию, согревал дыханием по-

красневшие на морозе руки. Когда ребята пообвыклись, я перешел к делу. Для строительства дельтапланов у нас нет средств, да и открывать в библиотеке мастерскую никто не позволит. К тому же у нас нет чертежей аппарата.

— Все ясно до слез! — высказался один из парней. — Между прочим, братья Райт, Фарманы и Вуазены строили свои самолеты без всяких чертежей и летали.

— Тебя как зовут? — спросил Глеб.

— Васька.

— Ты хоть знаешь, почему самолет летает?

— По воздуху.

В тот вечер мы долго говорили о дельтапланизме, о перспективах и красотах полетов. Решили окончательно впрессовать в парус пленку и, если уж этот дельтаплан не полетит, купить болоньи на новый. Ребятам были поставлены условия: в зале не курить, книг не рвать, после работы мыть полы.

Я пошел провожать Лильку. Неожиданно она начала читать стихи: «Когда обида душу ранит остро иль сердце сдавит грусть мохнатой лапой, тогда мне снится ночью дальний остров, а там живет зеленая жирафа. Мы посидим в густой тени деревьев, мы погрустим о чем-то очень важном».

— Кто это тебе обидой душу ранил остро?

— Ты. Называешь при ребятах деткой, а я все-таки девушка!

Я иронически хмыкнул.

— Ах так... — Она пристально посмотрела на меня и медленно сказала: — Тогда я тебя накажу. Присущу к себе так, что ни на кого больше смотреть не сможешь. А я — ноль внимания!

Из всей компании только Боб работал на заводе, остальные заканчивали школу. У всех мотоциклы с самодельными, выгнутыми назад рулями и с наклеенными на бензобаках переводными картинками. Пона-

чалу ребята казались мне похожими, как близнецы.

Однажды вечером они «отметелили» какого-то парня, который вырвал трубку из телефона-автомата. Тот привел свою компанию, стали выяснять отношения, вмещалась милиция. Потом Люба возмущалась: в городе библиотеки, кинотеатры, спортзалы, неужели невозможно обойтись без драк и глупостей?

— В спортзалах художественные гимнастки через обруч прыгают, — усмехнулся Боб. — В ДК лекции «Влияние лунного света на загробную жизнь паралитиков» да танцы по субботам.

— В больших городах есть дискотеки, — вмещался Васька. — Такие диск-клубы, где собираются и рассказывают, например, о ритме «рэггэй», как он дошел до нас с Багамских островов. Потом о стиле «соул», и все в экстазе!

— Собрались бы, подумали...

— Пусть лошадь думает, у нее голова большая, — перебил Любу Боб, — а нам бы чего попроще.

— Глупо оправдывать собственную ограниченность. В конце концов вы комсомольцы, собрались бы и организовали для себя тот же диск-клуб.

— Ну, комсомольцы... — буркнул заметно потускневший Боб. — Когда я вступал, для меня билет был как награда, но, кроме скуки на собраниях, я еще ничего не получил.

Люба вздохнула:

— А почему ты считаешь, что комсомол должен заботиться о твоих развлечениях? Хорошо подсчитал, что получил и чего не получил, а что ты сделал сам, чтобы иметь право обижаться?

Во второй половине декабря отец начал писать нам письма. Первое, в котором он сообщал, что расстался с аспиранткой, я прочитал, к остальным демонстративно не притрагивался. А вот мама сразу стала уделять

больше внимания своей внешности. Следила за собой и раньше, как всякая женщина, а тут зачастила в парикмахерскую, начала делать прическу и маникюр, красить губы яркой помадой, тюбик которой до этого времени лежал перед зеркалом нераспечатанным. Жизнь в большом городе не прошла бесследно, одевалась мама красиво, со вкусом, заметно отличалась манерами и поведением от подруг, с которыми вместе росла или училась в школе. В основном это были крепкие коренастые женщины с огрубевшими от работы руками и преждевременными морщинами на одинаково озабоченных лицах. Они были постоянно обременены тяжелыми продуктовыми сумками и далеко не поэтическими житейскими заботами, вздорными бабьими голосами костерили на чем свет стоит пьющих мужей, с болью и тихим недоумением жаловались на непутевых сыновей и гулен дочек, некоторые уже разнеженно рассказывали о внучатах. Почти все жадно рассматривали фасоны маминых платьев, оглядывали квартиру и тяжело вздыхали: хорошо тебе, дескать, полная свобода, никакой нервозности и вытягивающих последние жилы семейных неурядиц. Правда, мне всегда казалось, что они не шибко завидовали этой свободной жизни и откровенничали о своих трудностях скорее из какого-то непонятного сострадания. После таких разговоров мама становилась задумчивой и грустной, уходила в свой детский сад и задерживалась там до поздней ночи или оставалась на ночь дежурить. Это уж какие-то странности женской натуры — о чем печалиться, если прошлого не вернуть, да и городок этот был для нее не ссылкой за неудачную семейную жизнь, а родиной, знакомой с детства и дорогой не только старыми друзьями, но и памятью о родителях. Выходило, что земля была родной и для меня, все-таки покоились в ней не чужие люди, хотя знал я их только по фотографиям и маминым рассказам. Пожелания, своими руками построили дом, жить бы да

жить, чего еще надо! Но все разом сломала, перечеркнула война...

Деда сразу призвали в армию. Попал он в саперный батальон. В армии на летних учениях я видел, как вкалывали на переправах ребята-саперы, хотя на вооружении у них сейчас мощные тягачи, сильные катера и другая техника. А раньше самой главной техникой был горб да руки, приходилось пластаться в ледяной воде и ранней весной, и поздней осенью. Одним словом, пришел дед с войны с медалями на гимнастике и какой-то тайной простудной хворостью внутри, от которой по ночам ломило кости и мучил сухой надсадный кашель. Сейчас отлежался бы в больнице, полегил бы на курорте грязями, а тогда было не до лечения и курортов: дом сгорел, город разрушен. Началась послевоенная жизнь, с утра до вечера дед восстанавливал мост в родном городе, с вечера до утра — родной дом.

От оккупации в памяти у мамы остались непроходящее чувство голода и постоянного страха. Маленькая тогда была, какой с нее спрос! Но хорошо помнила пятидесятые годы, когда бабушка работала на птицефабрике и приносила домой выхаживать худых и жалких от безнадежной слабости цыплят, которых потом здоровенькими и бодрыми уносила обратно. Приставшая на войне хвороба тогда уже доканывала деда, по ночам он задыхался от кашля, во сне скрипел зубами, часто до рассвета сидел на полу в кухне, прижавшись спиной к теплой печке, а по его ногам катались пушистые, желтые, слабо попискивающие комочки. Но все равно каждое утро он, до черноты похудевший и с лихорадочным блеском в глазах, уходил на работу — в те годы строился завод краностроения.

Дед умер, когда маме было семнадцать лет и она училась в педагогическом училище. Бабушка посадила у его могилы две ивы. После смерти мужа она вдруг сникла, затосковала, занемогла, ночами тихо

плакала, сквозь слезы винилась: не уберегла отца от проклятой лихоманки, и вскоре сама умерла...

В одно из декабрьских воскресений мама выпросила у дворника деревянную лопату и попросила меня очистить могилки от снега. День был солнечный и морозный, от дыхания воротники прохожих курчавились инеем, снег сухо поскрипывал под ногами. Откровенно говоря, я представлял себе кладбище мрачным и темным, с покосившимися крестами и безутешно рыдающими старухами в черном, а оно напоминало скорее старый и хорошо ухоженный парк с аккуратными рядами засыпанных снегом холмиков, возле некоторых уже копошились люди, работая лопатами. Мама указала на выкрашенную свежей зеленой краской оградку, сваренную из тонких железных прутьев. Под снегом возвышался небольшой каменный обелиск с увеличенной фотографией из нашего семейного альбома: совсем еще нестарые дед и бабушка, напряженно выпрямив спины, сидели рядышком и пристально смотрели на меня, она — с мягким ласковым терпением, он — с внимательной упорной решимостью. Над ними две раскидистые плакучие ивы переплелись длинными гибкими ветвями, иней осыпался с них, и в морозной тишине солнечного зимнего дня казалось, что два присутствующих где-то здесь человека тихо и нежно перешептываются.

Перед Новым годом мы испытали дельтаплан с парусом, в который впрессовали полиэтиленовую пленку. Первым полетел Глеб и поднялся метра на полтора над склоном. Все-таки это был не полет, а длинный размашистый подскок. После него попробовал я, потом Боб, затем Васька. Этот сразу поскользнулся и покатился вниз. Удары смягчил снег, Васька отделался синяками, но в аппарате целой осталась только подвесная система, пленка отслоилась и висела прозрачными лохмотьями.

Боб сразу же предложил «скинуться» и купить материалов на новый аппарат. Подработать можно, разгружая вагоны со щебнем.

Работа по разгрузке показалась нетрудной. Я работал с Васькой. Мне нравился этот спокойный молчаливый парень. Труд объединяет. Раскалывая ломом смерзшиеся глыбы щебня, Васька разговорился, сказал, что собирается поступать в институт.

— В какой? — спросил я.

— В МАИ. Интересная, оказывается, эта штука — летательные аппараты.

Девушек к разгрузке мы, конечно, не допустили, и они обсуждали в сторонке свои женские проблемы, характерно показывая руками: воротник стоечкой, вырез досюда, здесь вытачки... Боб, дурачась, пел вслед Лильке: «Брось шутить, красавица, не надо! Не смотри наивно так в лицо. Ты была вчера моей любимой, а сегодня для меня никто...» Не знаю, какие у них были отношения раньше, но сейчас она никак не выделяла Боба из компании, он злился, и за шуточками была плохо скрытая ревность.

Разгрузили по два вагона. Васька устал, но держался молодцом. Ребята работали здесь все прошлое лето, зарабатывали на мотоциклы. Когда Глеб наконец объявил перекур, я с трудом выбрался из вагона и ахнул: девушки догадались купить хлеба, колбасы, молока.

— А хорошо! — восторженно бормотал Боб, откусывая большие куски от кольца дешевой колбасы. — В цехе приходится за зарплату вкалывать, а здесь исключительно для души.

— Ты не любишь свою работу? — спросила Люба.

Боб пояснил, что работу можно любить и имея шестой разряд или внедряя свою «рапуху», а большая ли радость возить напильником? В школе на профориентации их водили смотреть вычислительную технику: возле шкафов с аппаратурой все казались умными и страшно грамотными.

— Сложность профессии еще не богатство личности, — сказал я.

— Где они, эти личности? — вздохнул Боб.

Глава 3

Лилька убежала в приемное отделение вслед за носилками с Бобом. Подъехал «Запорожец». Вышла Лилька, сообщила, что Боба отнесли на рентген. Глеб сказал:

— В театр мы еще успеем. — Он посмотрел на часы. — А сейчас поедem в «Отдых», что ли. Надо серьезно поговорить.

— О чем говорить? — взвился я. — Вдвоем задумали, вдвоем надо было и заканчивать, а не плодить этих диких энтузиастов.

— Боб хотел как лучше, — вздохнула Лилька.

— Боб, в общем-то, славный парень, — сказала Люба, резко выворачивая на перекрестке руль. — Правда, характер неуравновешенный и противоречивый, но так у всех сильных натур. Бездарности просты и понятны, как дорожные знаки. А он торопится проявить себя, сделать все по-своему.

— Слыхали.. — усмехнулся я. — «Дайте мне точку опоры...»

— Зачем же так? — укоризненно вздохнула Люба, переключая скорость, — мир строят только личности.

— Это Боб личность? — удивился я.

— По-своему, конечно... Другое дело, что он еще не может отличить хорошее от плохого.

Попасть в кафе «Отдых» вечером невозможно из-за множества желающих. А сейчас в зале пусто, тихо, спокойно. Лилька послушала разговаривающего с официанткой Глеба и шепотом спросила у меня:

— Что такое «Сект»?

— Сорт шампанского.

Глеб бесшумно вытащил пробку из бутылки, отло-

мил от плитки шоколада три квадратика и бросил их в бокал. Квадратики обросли пузырьками, всплыли, опустились на дно и опять всплыли. Лилька замерла в немом восторге.

За окнами послышался треск мотоциклетных моторов, и через минуту в зал с шумом ввалилась компания — шесть парней в джинсовых костюмах. По-хозяйски сдвинули два столика, развесили по спинкам стульев мотоциклетные шлемы. На столе очутился транзисторный магнитофон, и кафе наполнилось ритмом глен-миллеровской «Чаттануга-чучу». Что-то горячо обсуждая, нас не заметили. Заказали дешевого винца, разом встали и, не чокаясь, выпили.

— Играют, — усмехнулся я. — У меня мать всю жизнь работает с дошколятами и говорит, что дети отличаются от взрослых только тем, что искренне верят в свои игры. Раньше парни в таком возрасте революцию делали, строили Магнитку, бросались на амбразуры, а сейчас их дурацкие выходки называют ошибками роста, бесцельность превратилась в поиски места в жизни, позерство в самоутверждение. Если уж они личности, так и спрос с них должен быть соответствующий, а то из-за этого сюсюканья они до сих пор не могут отличить истинные ценности жизни от ложных.

— Глупость — это неумение думать, — вздохнула Люба. — Говорить и осуждать легче всего, а если ты знаешь истинные ценности, почему до сих пор не помог ребятам увидеть их?

Но тут Лилька охнула и испуганно пригнулась к столику. В зал вошел Бармин с высоким рыжим парнем в коричневом костюме. Они прошли в противоположный угол зала.

Появление Бармина избавило меня от необходимости отвечать Любе, и я облегченно вздохнул. Да и что я мог сказать ребятам, если за спиной только немного мудреной терминологии первого курса биофака да два года службы в армии.

Бармин что-то рассказывал своему спутнику. По жестам было понятно: говорит о дельтаплане.

Глеб задумчиво посмотрел на них и побарабанил пальцами по столу:

— Заварил Боб кашу.

Лилька прижала ладони к покрасневшимся щекам.

— Этому его книги научили. В последнее время он запоем читал об авиации... Узнал, что Ивана Заикина в Мурманске французы тоже не допускали к полетам. Так он сам сел в самолет и полетел... — Она сделала большие глаза и прошептала: — Тс-с-с! Бармин сюда идет.

Глеб молча пододвинул от соседнего столика стул, приглашая Бармина сесть. Но тот оперся руками о спинку и, склонив голову с аккуратным пробором в черных волосах, спросил:

— Кто будет отвечать за сегодняшнее происшествие?

— Никто, — сказал Глеб. — Падает все, что тяжелее воздуха.

— В этом я убедился. Явного криминала в вашем увлечении нет, но поймите главное: как представитель горкома, я не имею права допустить неоправданного травматизма. Сегодня суббота. Прошу вас в понедельник быть в горкоме к десяти часам утра. Состоится бюро, в повестку дня включим вопрос о дельтапланеризме. Попробуем разобраться, так ли уж необходимы молодежи эти полеты.

Он вежливым кивком попрощался и пошел к выходу. Люба растерянно посмотрела ему вслед, сжала пальцами виски и укоризненно спросила у Глеба:

— Почему ты даже не попытался ему объяснить?

— Зачем? Аппарата нет, доказать свою правоту полетами мы не можем, а о дельтапланеризме в общем мы ему уже говорили.

Новый год мы встречали в доме Любиных родителей. По дороге Лилька держала меня под руку и, при-

танцующая от мороза и праздничного настроения, читала какие-то стихи: «Как говорится в преданье, исполнят любые желанья...»

Она была оформлена в библиотеку уборщицей, но Глеб установил почти армейские порядки, и после работы ребята драили полы, как новобранцы. Строить аппарат ей тоже не пришлось, и она кокетничала с мальчишками, что-то выискивала на стеллажах с книгами или читала в уголке возле теплой батареи. И старательно «присушивала» меня. Делала она это вполне умело: я то и дело ловил на себе ее долгие пристальные взгляды, словно она видела во мне еще кого-то, чего-то ждала с трепетным нетерпением. Девчонка она симпатичная и знала об этом.

Массивный двухэтажный дом был виден издалека, светилась застекленная веранда. На веранде стояла принаряженная елочка. Новый год — семейный праздник, и компания была небольшая. Мама Любы в нарядном темно-вишневом платье с кружевным воротником весь вечер хлопотливо бегала между столом и кухней. Массивный, грузный Папа солидно беседовал с сослуживцем в двубортном бостоновом костюме моды пятидесятых годов. Тосты, шампанское... Люба включила магнитофон. «Хоп! Э-э-хоп!.. Хоп! Э-э-хоп!..» Лилька, в тонком черном свитерке и короткой юбочке, вытащила на середину зала Папу. Тот, снисходительно улыбаясь, неуклюже топал ногами, изображая что-то вроде фокстрота.

Я вышел на веранду. Лилька выбежала следом и в полном изнеможении упала в кресло. Отдышавшись, она взяла из лежавшей на столе пачки сигарету и начала неумело чиркать спичкой.

Я не курю. Когда-то в школьной уборной курили и для этой цели я позаимствовал, мягко выражаясь, у отца пачку сигарет. Разговор был коротким: отец просто запретил мне тратить заработанные им и мамой деньги на табак, и я должен был помнить, что каждая

тайком купленная сигарета будет просто ворованной. Через это я не смог переступить, а со временем «не курить» стало привычкой. Лилька же просто переводила табак: раздувала щеки и выпускала дым с видом величайшего наслаждения. Заметив мой насмешливый взгляд, она закашлялась и бросила сигарету. Потом начала рассказывать, как Люба водила ее на второй этаж. Там еще четыре комнаты блистали роскошью, изящной мебелировкой и гобеленами в стиле Приматиччо.

— Что же это за стиль такой? — спросил я.

Глеб показал мне дом. Особой роскоши и гобеленов я не видел, но все сделано добротно, надежно, удобно. На первом этаже зал, кухня и прочие удобства. Гараж для «Запорожца» и курятник по последнему слову техники, только успевай сыпать корм, собирать яйца и рубить леггорнам головы.

На веранду вышел Папа, в обеих руках он нес бутылки с пивом. За ним со стаканами шел сослуживец, которого все запросто называли Захарычем. Папа грузно уселся в кресло, достал из кармана пятикопеечную монету, положил ее на ноготь большого пальца и сквырнул с бутылки пробку. Налив в стакан пива, он с наслаждением выпил.

— Раньше дети были в семье помощниками, — заметил он.

— Раньше... — неуверенно отозвался Захарыч, усаживаясь за елкой. — Дак не о том речь! Темные люди были раньше, неграмотные...

— Во! А сейчас все светлые. Любка в восьмом классе такие туфли затребовала, каких мать и в двадцать пять не носила. Купили, чтоб была не хуже людей. Избалованы они сейчас этой светлостью за чужой счет.

Появился Глеб. Он закурил и стал слушать Папу, который говорил, что люди сейчас хотят не просто поесть, а вкусно; не просто одеться, а модно; не просто мебель в комнату поставить, а заграничный гарнитур.

— Все, что выше естественных потребностей, относится к нравственной культуре, — сказал Глеб. — Но здесь два пути: к ожирению и к совершенству.

Папа поморщился, на крупном лбу появились глубокие морщины.

— Не люблю высоких моралей. В жизни всегда как потопаешь, так и полопаешь! Захарыч, скажи по совести. Мы с тобой вместе баранки на полуторках крутили. Ты двоих парней на ноги поставил, в люди вывел. Я вот этот дом построил.

— Нашел чем хвалиться! Давно мог бы получить квартиру, а то вбухал в эти кирпичи лучшие годы.

— Знаю я эти квартиры... — Папа отхлебнул пива. — А у меня хоромы. Опять же «Запорожца» Любке купил. Народить пятерых большого ума не надо — вопрос в том: как они с нынешними понятиями в люди выйдут?

— Да так и выйдут, — отозвался из-за елки Захарыч. — Нам было труднее, не пропали. Я по автобазе сужу... Все молодые шоферы с десятилетками дело знают туго.

— Эти грамотеи машины за полгода вдрызг разбивают, потому что не знают им цены. Я свою первую полуторку из утиля по винтику собирал.

— Дак время было... Работы много, техники мало.

— Понятия были другие. Мы тогда только на себя надеялись, своими горбами всего в жизни добивались. А они пришли на все готовое!

Глеб вскинул голову, но промолчал. Папа неторопливо поднялся и медленно пошел в дом, по стене за ним поплыла большая черная тень. Ушел и Захарыч.

Глеб заговорил тихо, выстраданно. Папа работал шофером, возил на рефрижераторе кур с местной птицефабрики. По дороге заворачивал домой и отгружал кур по весу оставленного запасного колеса. Потом мама их

продавала. В домашнем курятнике кур держали для отвода глаз.

По совести надо было бы сообщить куда следует, но Люба об этих операциях ничего не знала. Сказать — значит поссорить ее с родителями, а Глеб считал, что и без этого испортил ей жизнь, ведь она могла встретить нормального парня и жить в свое удовольствие.

Сейчас рефрижератор к дому больше не подъезжает. Но отношения у Глеба с тестем натянутые, мирное сосуществование двух родственных систем под одной крышей.

— Из Кременчуга пришел ответ, — сказал Глеб в конце разговора. — Летом поеду на собеседование, тогда все и решится. И точку на всей этой семейной путанице смогу поставить, когда сам буду чего-нибудь стоить. Иначе все правильные взгляды и хорошие поступки не имеют смысла.

В январе Лилька получила первую зарплату и тридцать рублей внесла на покупку паруса. Глеб наотрез отказался взять деньги. Лилька обиделась и на следующий день сама купила три метра болоньи. На слова благодарности она ответила капризными гримасками: какая, мол, ерунда. Но видно было, что чувствовала она себя предельно счастливой.

Глеб пошел в магазин уцененных товаров прикупать недостающие двадцать семь метров. Болоньи в магазине не оказалось. Продавец сообщил, что какая-то девчонка вчера сказала находившимся в магазине женщинам, что сейчас это самый модный уцененный дефицит...

Глеб принес свои старые конспекты по аэродинамике, и мы начали заниматься теорией. Наверное, и я только тогда узнал: почему летают самолеты, откуда берется подъемная сила, что такое «качество» летательного аппарата?

Люба принесла толстую пачку писем. Она вела пе-

реписку. Ребята охотно отвечали, как летают, где достают материалы для аппаратов. Оказывается, в стране есть организационный, технический и методический центр дельтапланеризма, проводятся соревнования. Летают люди в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет самых разных профессий — от школьников до профессоров и маршалов. Люба предложила нам обратиться за помощью в горком комсомола.

Глеб подумал и сказал, что не стоит беспокоить людей по пустякам.

— Почему это по пустякам? — спросила Лилька. После покупки болоньи она относилась к дельтапланеризму с любовью. — Счастливые люди должны летать как птицы.

— Во времена Уточкина и Ефимова авиация была только спортом, считалось, что летают только фанатики, романтики и авантюристы, — напомнила Люба. — Но без их настойчивости и энтузиазма сегодняшний мир был бы беднее.

— А даже если и спорт! — заметил Васька. — Чего тут плохого? Чуваки спортивной ходьбой занимаются — это же дурнее не придумаешь, — а все в экстазе!

— Что же получается? — уныло спросил Боб. — Душа горит, а без какого-то куска болоньи никакого счастья в жизни!

— Счастье — это творчество, любовь и чистая совесть, — сказал после долгого раздумья Глеб. — Действуйте, если есть желание.

В кабинете председателя городского спортивного комитета было жарко, на стенах висели пропыленные вымпелы, порыжевшие от времени Почетные грамоты. Массивный письменный стол покрыт зеленой скатертью и похож на маленькое футбольное поле, на котором стояла шахматная доска с неоконченной партией.

Председатель, старик в сером пиджаке с отвислыми плечами, с ежиком седых волос на продолговатой голо-

ве, слушал нас, покуривая папироску и время от времени поглядывая на шахматную доску.

Теоретически Люба была подкована «на все сто», черпала сведения из книжного фонда библиотеки. Начала она еще с византийских записей девятого века, где говорилось, что на воздушных змеях поднимали в воздух солдат, и те сверху бросали на врагов зажигательные средства. В тринадцатом веке Даниил Заточник писал в рукописях о народных увеселениях: «Иные, вскочив на коня, скачут по ристалищу, рискуя жизнью, а иные слетают с церкви или с высокого дома на шелковых крыльях...» В царствие Ивана Грозного смерд Никитка, боярского сына Лупатого холоп, соорудил крылья и под Москвой, в Александровской слободе, на глазах у множества зрителей летал на них. Царь повелел: «Человек не птица, крыльев не имать. Аще же приставит себе аки крылья деревянные, против естества творит... За сие содружество с нечистою силою отрубить выдумщику голову».

Председатель слушал Любу с интересом. Наконец он заговорил. Говорил он неразборчиво, словно перекатывал во рту выпадающие зубы. Я начал понимать председателя, когда он надел очки, громко высморкался и вслух прочитал принесенную нами же заметку об американском дельтапланеристе Майке Харкере: тот летал на дельтаплане со знаменитой Фудзиямы, и этот полет демонстрировался по телевидению. Одним словом — это сенсация, бизнес, чистоган. Да и с вулканов прыгают не от хорошей жизни. Он ткнул пальцем в заметку и посмотрел на нас с суровым осуждением: что же это получается, вот здесь черным по белому написано, что этот Майк Харкер двенадцать раз попадал в больницу, какие могут быть после этого разговоры?

Тут вскочил Боб и сказал, что не падает только тот, кто не летает. В стране, кажется, есть школа инструкторов-дельтапланеристов, можно пригласить в город-

ской клуб тренера или послать в школу кого-нибудь из наших, чтобы научился.

Но председатель посмотрел на него с горькой усмешкой; хороший тренер поедет сюда, если будет обеспечен квартирой, окладом и условиями для работы. Тут городская футбольная команда разваливается без хорошего специалиста, хотя ясно, что футбол — это лицо города, его честь и спортивная слава, а что такое дельтапланеризм еще никто не знает.

— Это прогресс в спорте, — доказывал я.

— Хорошо, товарищи! Без внимания мы это дело не оставим. Приходите и будем говорить, когда поступят указания из области.

И он сделал на шахматной доске ход конем.

Наконец мы получили чертежи аппарата с новой подвеской: в полете пилот находился в горизонтальном положении. Но смещался центр тяжести, требовалась другая подвесная система. Чтобы привести все эти выгоды и сложности в соответствие, нужно было время, материал и терпение, а летать всем хотелось немедленно.

Бунт на корабле начался, когда ребята принесли в библиотеку два ящика инструментов. Чего там только не было: сверла, напильники, ножовки по металлу, тиски! С явным желанием заслужить похвалу Боб рассказал, что «умыкнули» инструмент из мастерской у мужика, о котором он рассказывал при разгрузке вагонов. Глеб подумал и сказал, что хорошее дело надо делать чистыми руками.

Боб взвился:

— Надоело! Хочется риска и опасности, а мы тут копаемся в этих це-икс, це-игрек, как об стену горох! Делов-то: три трубки, кусок тряпки, а готовимся, как в космос.

— На риск надо иметь право, даже если рискуешь только собой, — резко сказал Глеб.

Я подумал, что сейчас он расскажет, за что был отчислен из училища, но он промолчал. Видимо, Боб как-то по-своему истолковал это молчание, потому что заговорил увереннее:

— Убиваться я не собираюсь. Но говорят, что на дельтапланах уже мертвые петли делают. Да и Нестеров, между прочим, тоже летал на матерчатой этажерке, а какого сексу выдавал!

— Какой смысл вслепую делать ошибки, если мы можем использовать уже имеющийся опыт и идти дальше? — спросил Глеб. — Романтика ничего не стоит, если не имеет настоящей цели.

— Наша цель — полет! — сказал Боб.

— Полет сам по себе не может быть целью.

Расходились в тот вечер с плохим настроением. В горком комсомола пошли мы с Любой. Принял нас заведующий спортивным сектором Бармин, приветливый брюнет лет двадцати пяти с аккуратным пробором в волосах. Он заинтересовался дельтапланеризмом, долго рассматривал рекламные снимки летающих спортсменов в необычных ракурсах, под яркими разноцветными парусами.

Я рассказал о визите к председателю горспорткомитета.

Бармин понимающе кивнул: в сущности, дед он неплохой, лет тридцать назад был капитаном городской футбольной команды. Сейчас ему остался год до пенсии. В прошлом году решили реконструировать городской стадион, так дед тоже ждал указаний из области, пока горком не взял ответственность на себя. А с дельтапланеризмом все проще простого: одно дело стихийный энтузиазм одиночек, другое — пропаганда и становление нового вида спорта в союзном масштабе. И все можно решить, не выходя из кабинета.

С председателем горспорткомитета он говорил недолго. Потом положил трубку и смущенно сказал, что дело даже не в отсутствии официальных указаний из

области, а в том, что полеты могут закончиться катастрофами, тогда как спортивная этика против опасности и неоправданного травматизма.

— Поймите меня правильно. Эти картинки не документы. Вас подогревают романтические настроения, а мне нужны веские доказательства перспективности этого вида спорта.

— Но ведь и мы не предлагаем ничего необычного для нашего времени, — сказала Люба. — Ребятам необходимо настоящее красивое дело на каждый день, а тут есть возможность летать на простых и доступных аппаратах. Видимо, вы читали «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы и помните, что жители города будущего изобрели искусство летать — «единственное, чего, кажется, недоставало миру!».

Мне надоели эти дипломатические подходы.

— Ребята могут строить аппараты без вашей помощи, станут падать. Тогда и вы будете нести ответственность за возможные аварии.

— Вот уж извините!

Тут Люба сказала, что в таком тоне мы не договоримся. Аппарата у нас нет, подтвердить перспективность дельтапланеризма пока мы можем только официальным сообщением о том, что Международная авиационная федерация создала специальную комиссию по свободному полету и признала дельтапланеризм самостоятельным видом спорта. Значит, указания из области — дело времени.

Люба нашла необходимую вырезку, положила ее на стол.

— Конечно, в мире ровным счетом ничего не изменится, если несколько человек в нашем городе не полетят. И вообще трудно сказать, насколько необходимы эти полеты. Но мечты невозможно заключить в рамки «выгодно — невыгодно». Иные «бесполезные» душевные побуждения во много раз дороже видимых выгод. Секция или городской клуб объединит ребят, а любая

компания становится коллективом, когда объединена общей целью и интересной работой.

— Вот это вы очень хорошо сказали! — отметил Бармин. — И я всей душой хочу помочь вам... но должен быть уверен в целесообразности вашего начинания.

На следующий вечер ребята забрали ящики с инструментом и в библиотеку больше не приходили. От Лильки мы узнали, что они начали строить свой дельтаплан.

В феврале мы с Глебом наконец купили болоньи для паруса и спешно занялись строительством аппарата, чтобы продемонстрировать Бармину полеты, пока Боб и компания не наделали глупостей. Раскроили ткань в библиотеке, но сшивала ее Люба дома, не тащить же через весь город ножную швейную машину. В воскресенье утром, не вытерпев, пошел проверить, как движется дело...

Вышел к пустырю и увидел, что из-за угла крайнего пятиэтажного дома валит густой дым. Но когда вбежал во двор, увидел горевшие помойные контейнеры. Женщина в застиранном оранжевом жилете энергично шуровала в них лопатой. Она была крупной, крепкой, с еще привлекательным, но уже загрубевшим от загара лицом, заговорила со мной весело и словоохотливо, как со старым знакомым. Начальник ЖЭКа скупится: не выдает ни метел, ни лопат, ни другого инвентаря, шофер второй день «левачит», на мусорной машине вывозит мусор с помоек у частников за живой рубль, а тут хоть трава не расти!

— Ну ничего... — Она пригрозила кому-то пальцем. — Вот уйду в жилищный кооператив, председатель давно приглашает, у него и дома внутриквартальные, а этот выходит фасадом на улицу, каждая бумажка на виду.

— Меняйте профессию, а не начальника, — посоветовал я.

— Эва! Чего я должна ее менять? Не хуже других... Любая работа хороша, кроме нечестной. — И пока я припоминал, где и когда слышал эту фразу, женщина указала рукой на окно третьего этажа. — Некоторые, правда, носы воротят, не здороваются, думают, что большими господами стали. Купили пинчера-выродка, не собака и не кошка, жалость одна смотреть, и занимаются спирт... спирт... Ну этим делом, когда садятся вокруг стола и спрашивают, за кого ихняя прыщавая дочка замуж выйдет. — Она энергично сплюнула. — И на помойку выбрасывают хлеб буханками, картофель — ведрами. Люди сейчас стали богато жить, только в этом доме на каждый подъезд по «Москвичу», летом весь асфальт маслом изгваздают. И дай бог! Но жалость одна смотреть, что скоро забыли, как хлеб достается и как эта самая картофель выращивается!

Она опять начала шуровать лопатой в контейнере, вместе с дымом вверх полетели невесомые хлопья черного пепла. Я отошел в сторону, чтобы не измазаться и увидел Боба.

— А ты что здесь делаешь?

— Я тут живу. — Он посмотрел на женщину в оранжевом жилете и вздохнул. — Такая клевая деваха Лилька, а вот с предками не повезло. Мать устроилась дворничихой, чтобы получить служебную квартиру. Отец совсем пьяница и шарамыга, дома дерется, а кулаки у него, сам видел, будь здоров, раз вломит — и ложись в больницу. Мать вкалывает от темна до темна, а недавно купила мужу телевизор, он как глянет на экран, сразу засыпает. Лучше купила бы Лильке путевое зимнее пальто или еще что из одежды. Она почему хотела из школы уходить? Директриса придралась к короткой юбке, а Лилька гордая, не захотела объяснять, что эта юбка одна у нее.

ГЛАВА 4

Компания за сдвинутыми столиками шумела, лица ребят покраснелись, движения стали размашистыми. Магнитофон был включен на полную громкость. Наконец ребята поднялись и шумной толпой направились к выходу. Васька оглянулся и, нерешительно потоптавшись, направился к нашему столику.

— Не бери в голову, Глеб! — сказал он, махнув рукой. — Отдадим мы вам свой аппарат. Каркас хороший, парус первый сорт. С управлением что-то не ладится. Сейчас нас большая компания, да толку мало, все больше спорим, как лебедь, рак и щука. Поэтому Боб сегодня и взял ваш дельтаплан.

— Ладно, чего уж теперь. — Глеб поморщился и не допуская возражений голосом сказал: — Завтра приведешь всех ребят в библиотеку. Разговор есть.

Васька обрадовался и доверительно сообщил:

— У нас появились конкуренты на Садовой и на мебельной фабрике. Раскупают болонью километрами, продавец в экстазе!

— Их тоже пригласи. Или не контактируете?

— Нормально. Они у нас чертежи брали.

— Вот этого и боюсь, — усмехнулся Глеб.

Послышался треск моторов. Я отогнул портьеру. Мотоциклы с переводными красотками на бензобаках срывались с места, выскакивали на дорогу и, набирая скорость, исчезали за поворотом. От встречного грузовика желтый Васькин шлем вильнул в сторону, мотоцикл выскочил на газон, оставил на нем кривую борозду и скрылся из виду.

К нашему столику подошел высокий парень, с которым недавно разговаривал Бармин.

— Разрешите? Давайте знакомиться. Моя фамилия Бабичев.

— Оч-чень приятно! — язвительно сказала Лилька, пристально глядя на парня, словно пытаюсь что-то

припомнить. — «Герцогиня разразилась диким хохотом».

Блеснув глазами, парень улыбнулся.

— Я тут поговорил с одним товарищем. Узнал, что вы строите какие-то летательные аппараты. Хотелось бы подробнее узнать.

На вид ему было около тридцати лет. Несмотря на обезоруживающую улыбку, глаза его смотрели внимательно и серьезно.

— А что рассказал вам Бармин?

— Он высказал свою точку зрения. Я хочу знать вашу. Да и я сам недавно встретил в журнале заметочку о «летающих драконах», какой-то Майк Харкер так загредел с горки перед телекамерой, что только перья полетели! Там написано, что он сделал больше четырех тысяч полетов, а как с этим делом у нас?

— В стране неплохо, — отозвался Глеб. — У нас ничего не выходит.

— Понятно... Недоброжелатели?

— Скорее всего доброжелатели.

Бабичев смешливо покрутил головой:

— У доброжелателей сильные козыри?

— Практическая польза от дельтапланеризма и связанный с полетами травматизм. По статистике из восьмидесяти тысяч летающих спортсменов погибло всего семьдесят шесть. Ничтожный процент.

Бабичев предупреждающе поднял руку:

— За каждым процентом живые люди.

— Какой-то заколдованный круг, — не выдержал я. — Научиться строить аппараты и получить представление о полете негде. Доморощенные Икары падают. Осторожность доброжелателей перерастает в перестраховку. Ждут указаний из области.

— И сколько же у нас этих Икаров?

— В мире больше ста тысяч.

— Сто тысяч... — Бабичев начал подсчитывать вслух: — Из восьмидесяти тысяч семьдесят шесть,

из ста сто с лишним. Много. Дорогое удовольствие получается.

Глеб с силой придавил в пепельнице сигарету.

— Любой полет прежде всего работа, потом уж удовольствие. Дельтаплан прост по сравнению с самолетом, но летает по тем же аэродинамическим законам. — Он отбросил свою обычную сдержанность и принялся торопливо объяснять: — В авиации учат летать на «спарках», может, и нам надо подумать о парных аппаратах. Дельтапланы поднимаются до шести тысяч метров, надо подумать о простейшем приборном оборудовании, на высоте трудно пилотировать по ощущениям.

— Это уже серьезно! Откровенно говоря, я представлял себе все значительно проще, — сознался Бабичев. — Ну хорошо, а как сдвинуть дело с мертвой точки в нашем городе?

— Два месяца назад нам вот так нужен был городской клуб! — Глеб провел рукой по горлу. — Во всяком случае, нога у Боба сейчас была бы цела.

В марте высокий левый берег речки потек ручьями. Весна была дружной, веселой, напористой. Зазвенели плаксивые капли, снег расплылся на дорогах серой водянистой кашицей, в речку хлынули потоки мутной талой воды. Лед потемнел, вспух, потрескался и однажды ночью, расколовшись, пошел... В первые дни ледохода на мосту собиралась толпа и смотрела на ожившую воду. В тот вечер в толпе стояли и мы с Лилькой. Я подумал о том, что этот мост восстанавливал после войны мой дед. Очень давно, когда меня, как говорится, и в чертежах не было, вот так же приходили на этот мост молодые дед и бабушка с маленькой дочкой, смотрели на плывущий лед и радовались наступлению весны. Этот мост, и завод краностроения, и образцовый мамин детский сад существуют, живут

в этом городке, а что останется здесь после меня, когда я уеду в университет?

Вдруг от левого берега на плывущий лед выскочил человек с багром и, перепрыгивая с одной льдины на другую, ходко пошел через реку. Толпа заорала, зашвистела. Огромные ледяные поля, медленно вращаясь, наползли одно на другое, с треском разламывались, вставали на бок, показывая плоские темные днища. Перепрыгивая через узкие разводья и помогая себе багром, человек вышел наконец на правый берег, где его уже ждала милицейская машина.

Мужчина в зеленой шляпе восхищенно сказал:

— Это Семен Белый. Он каждый год на спор переходит через речку в ледоход. Теперь дружки будут месяц поить его водкой в «Бабьих слезах».

— Где? — не понял я.

— Есть такой выпивальный павильон на Садовой. Я посмотрел на Лильку. Она сникла, губы ее дрожали, глаза наполнились слезами. Повернувшись, она бросилась бежать, натыкаясь на людей.

Третьего апреля мы показывали свой аппарат Бармину. Собралась толпа зевак и болельщиков. Глеб застегнул вамок подвесной системы и подошел к склону.

— Летчикам желают чистого неба, — сказал он, — морякам семь футов под килем. Дельтаплану для взлета нужен встречный ветер. Значит, встречного ветра!

Он побежал вниз. Аппарат сразу «поймал» ветер и начал медленно подниматься. Изредка он клевал носом, но все же продержался в воздухе более трех минут.

Мальчишки с восторженными криками бежали за дельтапланом. Они втащили его наверх вместе с Глебом. Во второй раз Глеб полетел увереннее, выполняя плавные развороты.

Если за первым полетом Бармин наблюдал спокой-

но, то потом не выдержал и, размахивая кепкой, побежал вниз по склону вместе с мальчишками.

Уступая аппарат мне, Глеб предупредил, что передняя центровка заставляет его опускать в полете нос, поэтому трапецию на себя резко не дергать. Он похлопал меня по плечу:

— Встречного ветра!

Дельтаплан действительно стремился опустить нос, приходилось придерживать трапецию. Склон удалялся все быстрее, фигурки внизу становились маленькими. Над парусом было только небо. Освобожденный от тяжести собственного тела, я плыл над землей легко и невесомо. Но, кажется, я слишком увлекся впечатлениями, потому что аппарат клюнул носом и едва не потерял поток.

Едва я приземлился, как раздался треск моторов, на поле выехало несколько мотоциклов: ребята в куртках с «молниями», блеск никеля, и над всем этим покачивался дельтаплан с нежно-голубым раскрашенным розами парусом. На первом мотоцикле сидел обвязанный поперек груди веревкой Васька. Веревка тянулась к Бобу, сидевшему на багажнике второго мотоцикла в подвесной системе голубого аппарата.

Голубой парус наполнился ветром и оторвал Боба от багажника. Вдогонку за мотоциклом по лужам и весенней грязи бросились воющие от восторга ребяташки. Дельтаплан на буксире поднялся метров на пять и некоторое время летел, рыская из стороны в сторону, потом поднял нос и начал набирать высоту. Веревка натянулась почти вертикально. Аппарат приостановился и, теряя скорость, просел...

Боб подтянул трапецию к животу, но дельтаплан, заваливаясь на правый бок, медленно пошел вниз. Видимо, испугавшись, Боб резко переложил крен, аппарат перевалился на левую сторону и устремился к земле быстро, неотвратно. Когда боковая труба вспорола почву, подняв веер мокрой грязи, натянувшаяся ве-

ревка вырвала Ваську из седла, мотоцикл вильнул и упал.

Я подбежал к упавшему дельтаплану. Трубы, киль, лонжерон — все сломано. Боба закатало в растяжки и накрыло парусом, сшитым из обыкновенной кухонной клеенки. Сквозь толпу протолкалась Лилька. Увидев ее, Боб дурашливо запел:

— Пер-ребиты, пол-ломаны крылья, дикой болью в груди все свело...

— Кровь! — ахнула Лилька.

Боб вытер со щеки кровь, снисходительно улыбнулся. Возле разбитого дельтаплана оказались Глеб, Люба и Бармин.

— Теперь я знаю не только парадную, но и обратную сторону этих полетов, — проговорил Бармин. Он глянул на меня. — И вы хотели, чтобы за подобные случаи отвечал я?

— Этот парень не знает техники пилотирования, — сказал Глеб. — За мотоциклом он мог летать до вечера, но вышел на закритические углы атаки и потерял скорость.

Боб принялся возбужденно объяснять, что Васька где-то прочитал, что еще в прошлом веке французский моряк Де Бри летал на воздушном змее за конной повозкой, а они решили попробовать за мотоциклом. По замыслу на высоте ему следовало отвязать веревку и приземляться самостоятельно.

— В первый раз летел? — спросил Бармин.

— Конечно же, не в первый! — с бахвальством в голосе возразил Боб, но увидел мрачное лицо Глеба и осекся. — Второй, а падать, между прочим, не опасно на буксире, удар о землю получается скользящий, просто одно удовольствие!

Бармин с сомнением покачал головой. Глеб спокойно сказал, что падает всё, что тяжелее воздуха, однако в городском клубе такие падения сведутся до миниму-

ма, никто не будет допущен к полетам без знания техники пилотирования.

— А вы сами-то хоть знаете эту технику?

— Знаю. Летал в аэроклубе и летном училище. Скажу больше: у нашего аппарата передняя центровка — в общем-то серьезный конструктивный недостаток. Но, как видите, все закончилось благополучно. Я понимаю вашу осторожность, однако давайте не будем торопиться с выводами. Мы доработаем свой аппарат и покажем его вам в деле еще раз.

Бармин ушел. Боб пристыженно топтался возле своего клеенчатого дельтаплана. Он смотрел на Глеба с уважением, порывался что-то спросить, но не решался.

Мы разбирали и укладывали в чехол свой аппарат. Мальчишки старались нам помочь, заискивающе поглядывали в глаза и просили записать в секцию.

Боб и компания оттащили свой дельтаплан на сухой пригорок. Разбирать им было, в сущности, нечего. Они расстелили парус на земле, получилась треугольная голубая лужайка с нарисованными розами, в центре ее косо торчала согнутая мачта. Вокруг паруса в живописном беспорядке стояли шесть мотоциклов. Боб уныло спросил:

— Плохо наше дело, Глеб?

— А ты бы не входил в штопор, — сказал ему Глеб. — Кто гнал вас из библиотеки? Средства, на которые мы собирались строить аппараты, зарабатываются людьми, и требовалось только доказать, что они не будут пущены на ветер. Если бы вы сегодня не вылезли со своей клеенкой, мы могли бы рассчитывать на поддержку горкома. Прете напролом, словно на свете ничего нет, кроме ваших желаний!

— Какая глупая ссора, — вздыхала потом Люба. — Зачем их обижать?

— Переживут. В конце концов, пора называть вещи своими именами. Эти прыжки с горки для собственно-го удовольствия — дело временное.

— Я из романтического возраста вышел, да и представление о полетах у меня накрепко связано с самолетами, — говорил Бабичев с веселым сомнением. — Ценность того, что не имеешь, всегда преувеличена, со временем горячка пройдет, страсти улягутся, энтузиасты поймут: самолеты все-таки надежнее этих матерчатых аппаратов.

— До сих пор самолеты не мешали развиваться планеризму, — сказал я. — И сейчас мы говорим только о новом виде спорта, который развивает силу, смелость, решительность.

— Вы забыли о главном, — вмешалась Люба. — Секция или клуб объединит ребят. И еще... Внешность не характеристика, но почему рвутся летать и просят записать в секцию только вот такие, — она широко раскрыла глаза и растопырила пальцы, — дерзкие и всклокоченные мальчишки? Им хочется чего-то сильного, необыкновенного, чтобы дух захватывало! В Крыму собирались дельтапланеристы со всей страны и летали там, где испытывали свои первые планеры никому не известные тогда Антонов, Туполев, Ильюшин. Сергей Королев дошел от планера до космических кораблей. Может, от дельтаплана кто-то пойдет еще дальше!

Глеб неопределенно пожал плечами.

— Дельтаплан всего-навсего разновидность планера, а полет сам по себе не цель. Летчики летают не для удовольствия. Дельтапланеризм помогает ребятам интересно и содержательно проводить свободное время.

— Мне нравится ваше трезвое отношение к этому делу, — сказал Бабичев. — Давайте поговорим конкретно... Что нужно для создания клуба в первую очередь?

— Помещение, материал, инструмент... — начал перечислять Глеб, но вдруг махнул рукой. — Без хорошего серьезного руководителя ничего не получится, а мы скоро уедем отсюда.

— Выходит, игра не стоит свеч?

— Да как же так? — растерянно сказала Люба. — Аппараты уже строят мальчишки на Садовой, на мебельной фабрике. Мы должны помочь им. Еще Чехов сказал: «Равнодушие — это паралич души».

— Да не бросаем мы их на произвол судьбы, — улыбнулся Глеб. — Завтра встретимся с ребятами, поговорим. Если не удастся убедить их оставить это занятие, пойдем к первому секретарю горкома.

— Вы думаете, он поможет?

— А как же, — удивилась Люба. — Обязательно! Но почему вас все это интересует?

Бабичев добродушно рассмеялся:

— Я первый секретарь.

— Эффекты любите? — хмуро спросил Глеб.

— Люблю, — охотно сознался Бабичев. — Грешен, конечно, что не сказал об этом сразу. Но мне кажется, в кабинете у нас не получилось бы такого откровенного разговора.

— Мы приготовили бы для вас доклад с цифрами, фактами и материалами из печати, — сказала Люба. — А как теперь говорить с вами, не знаю. Завтра вы поддержите нас или будете против?

— Серьезные вопросы за столиком в кафе не решаются, да и многое для меня еще неясно. Позвоню в обком, проконсультируюсь... Не верится, чтобы такое интересное дело осталось незамеченным. Обещать ничего не буду, но для поддержания боевого настроения могу сказать вам, что помещение для клуба найти в городе можно. И средства есть. Кроме переписки со спортсменами из других городов, у вас еще имеются материалы о дельтапланеризме? Я хотел бы с ними ознакомиться.

— Поехали, — сказал Глеб. — Заодно и дельтаплан отвезем.

«Запорожец» прощально мигнул красными стоп-сигналами и скрылся за поворотом. Апрельские сумерки волнующе пахли дымком, с запада на город ползли

черные облака. Лилька поправила растрепавшиеся от легкого ветерка волосы и спросила, кто этот парень, она целый день вспоминала, где могла его видеть. Я сказал.

— Правильно! — Она схватилась за вспыхнувшие щеки. — Осенью он выступал у нас в школе на комсомольском собрании. Вы все ему рассказали? И что он ответил?

Я неопределенно пожал плечами, а в душе ворохнулось смутное беспокойство. Даже если Бабичев поддержит нас на бюро, при создании клуба все равно придется спорить, доказывать, убеждать, а кто возьмется за это дело, если летом мы разъедемся?

— Пойдем в ДК на танцы, — предложила Лилька.
— Сначала к нам... Поужинаем.

Когда я открыл дверь квартиры, из комнаты вышла мама в праздничном, недавно сшитом платье, радостно-возбужденная и почему-то растерянная. Пока они с Лилькой обнимались, я вымыл руки и прошел в комнату. На столе раскупоренная бутылка вина и давно забытая картина: три полных прибора и накрахмаленные салфетки белыми конусами. Балконная дверь приоткрыта, сквозь занавеску виден огонек сигареты — отец никогда не курил в комнате.

Увидел меня и вошел. Он был уже без бородки-эспаньолки, в обычно уверенном взгляде сквозила неуверенность. Не обратив внимания на протянутую руку, я буркнул: «Здрас-с-с...» — и пододвинул стул к свободной от прибора стороне стола. Отец сел напротив и, как мне показалось, чуть заискивающе сказал:

— Возмужал... Мать говорила, что ты собираешься восстанавливаться в университете. Я хорошо знаю декана твоего факультета, могу все уладить.

— Не стоит.

— Почему?

— «Рецессивные гены в генотипе, подавленные до-

минантными генами, не проявляют себя в фенотипе», — неизвестно зачем повторил я всплывшую в памяти фразу и, кивнув на входившую Лильку, добавил: — Знакомься!

Лилька вспыхнула, протянула отцу и тут же отдернула руку, потом сделала корявый реверанс. Отец снисходительно улыбнулся и, поблескивая золотым зубом, заговорил о какой-то несущественной чепухе — о весне, о тепле, о погоде. Со светским изяществом жестикулировал, словно было что-то очень важное в том, понравится он этой смущенной девочке или нет. А она уставилась в тарелку и отвечала односложно, коротко, как ученица, которой учитель наводящими вопросами помогает ответить хотя бы на тройку.

— А в каком вы работаете институте? — Слово «институт» она произнесла с тихим благоговением.

Отец хорошо поставленным голосом заговорил о том, что человеческая жизнь определяется задачей обеспечить биологическое существование, а для этого необходимо разгадать все тайны природы... Предупреждая длинные объяснения, я демонстративно посмотрел на часы:

— Нам пора!

— Кирилл, нам надо серьезно поговорить, — сказала мама.

— Давайте... Минут десять у нас еще есть.

Лилька осуждающе глянула на меня, встала и начала прощаться. Мама пошла провожать ее. Отец натянуто улыбнулся:

— Видимо, девочка далеко не из интеллигентной семьи. Но внешние данные есть, остальное со временем отшлифуеться. Когда мы с мамой встретились, она тоже была просто милой девочкой с неопределенным будущим. У тебя серьезные намерения?

— Ты приехал, чтобы спросить об этом?

Отец выжидающе посмотрел на дверь, за которой слышались женские голоса, нервно поправил запонки

на белых манжетах и начал рассказывать о декане моего факультета. Неожиданно я почувствовал, что отец просто не знает, о чем говорить со мной, и старается придать отношениям оттенок легкой непринужденности, подготавливаясь к чему-то серьезному. Где-то в глубине души шевельнулась расслабляющая жалость, впервые появившаяся в парке, когда я видел его суетливо заискивающим перед молодой женщиной. С деланным спокойствием спросил:

— Все? Тогда — привет!

Сзади мне на плечи легли мамины ладони.

— Как ты разговариваешь с отцом, Кирилл?

— Как?

— Господи, какой ты еще ребенок! В этом моя вина, — сказала она, обращаясь к отцу. — Надо было поговорить раньше, подготовить мальчика... — погладила меня по голове. — Я считала тебя взрослым, Кирилл, а это не только способность переносить душевную боль молча, но и способность понимать, прощать, верить.

— В письмах я все объяснил, — торопливо сказал отец.

— Я их не читал.

— Напрасно.

Отец вытащил из пачки сигарету, но положил ее обратно, он никогда не изменял своим привычкам.

— Понимаю, вам нелегко жилось все эти годы. — В голосе появилась обычная уверенность. — Наверное, сейчас мне надо бы покаяться, попросить прощения, но я не хочу врать ни вам, ни себе. Что было, то было! Человек — существо необъяснимое... Накатит вдруг что-то, закрутит, опьянит, разумом все понимаешь, а противиться сил нет. Я много думал, прежде чем решил приехать. Сможем ли мы вновь стать родными по душе, по совести, по человеческому отношению?

Он смотрел на маму. И вдруг я понял, что моего

опыта мало, чтобы на равных с родителями принимать какое-то решение, определять их судьбу.

Когда я уходил, в комнате было томительно тихо. Такая же тишина стояла в коридоре.

Из-под лестницы на первом этаже вышла Лилька, словно мы договаривались здесь встретиться.

— Здрасьте, я из вашего прошлого! Ну и вид у тебя... Страдаешь? А во все времена обязанностью женщин и герцогинь было облегчение страданий. — Она взяла меня под руку и повела на улицу. — Отец приехал мириться? Когда мой папа с мамой мирится, у него такой же пришибленный вид. Ну что ты встал как столб? Забвение — это человеческое счастье. Может, люди забывают много хорошего, но плохого забывают еще больше. Иначе жить было бы невозможно.

— И поэтому ты ревешь?

— Это дождь.

Она указала на лужу под фонарем, по которой бежали быстрые круги от капель и плавали большие блестящие пузыри. Я не заметил, как мы подошли к библиотеке. Лилька открыла дверь, провела меня по темному читальному залу за стеллажи. Включила в служебной комнатке свет. Со вздохом спросила:

— Чай пить будешь? Нет? — раскрыла дверцу стола, где хранилась чайная посуда. — Значит, будешь... Странные вы люди, мужчины! Чуть что случится, сразу в панику. Тебе надо попить крапивы, лучше всего темно-зеленой, железо хорошо помогает от весенней слабости.

— Никак ты меня успокаиваешь!

— Больно надо!

Лилька поставила чайник на электрическую плитку, села на диван и задумалась, подперев щеку ладошкой. Свет от зеленого стеклянного абажура старомодной настольной лампы на высокой ножке создавал в комнате уютный полумрак, по стеклам наглухо закрытого шторами окна стучал дождь, дополняя ощущение

теплого покоя. Хотелось расслабиться, забыться, не думать о событиях прошедшего дня, о необходимости пересмотреть свое отношение к отцу да и о своей дальнейшей жизни после случившегося. Но на свете нет ничего хуже, чем ждать и догонять, я поднял трубку стоявшего на столе телефона, набрал номер. После тресков, шорохов и длинных гудков услышал мамин голос:

— Кирилл? Что случилось?

— Прости, я вел себя по-свински.

— Я все понимаю.

— Что вы решили?

— Пока ничего, — сказала мама после долгой паузы. — Отец просит нас вернуться, но я не могу бросить детский сад. Но... — Она заторопилась. — Но летом ты уедешь, и мне, теперь уже навсегда, придется остаться одной. Если бы ты знал, как тяжело возвращаться после работы в пустую квартиру! Поздно уже, иди домой.

— Сегодня я переночую у товарища, хорошо?

— Это из-за отца?

— Нет.

Я хотел сказать, что мне надо обо всем подумать одному, но мама пожелала спокойной ночи и положила трубку. Лилька глубоко вздохнула, словно во время нашего разговора сдерживала дыхание, и с деланным безразличием спросила:

— Теперь ты уедешь?

— Чего? Не знаю... — Я неопределенно пожал плечами, пытаюсь объяснить себе томительное предчувствие решения, ответа на все возникшие сегодня вопросы, и поэтому попытался отшутиться.

— Как же я буду жить без тебя!

— Я это знала, — сказала она громким шепотом и, задохнувшись, пылко обняла меня за шею. Пухлые розовые губы на мгновение неумело коснулись моих губ, но прежде чем я что-то понял, Лилька испуганно охнула и резко отпрыгнула в противоположный угол ди-

вана, подтянув ноги к груди. Потом стыдливо одернула короткую юбочку и начала безудержно смеяться — туда, где только что она стояла, из носика чайника была тугая струйка пара. Выключив электроплитку, она задумчиво произнесла: — Я чувствовала, что сразу тебе понравилась. Хотела еще и присушить, да сама присохла так, что сил нет. Теперь ты моя судьба.

Воодушевившись, она с ногами забралась на диван и, стоя на коленях, с томной разнеженностью начала рассказывать о нашей будущей жизни: сначала можно пожить в одной комнате, а потом чтоб обязательно было две, одна только для нас, вторая для друзей и знакомых.

— С обстановкой и гобеленами в стиле Приматиччо, — вставил я, с неожиданной остротой почувствовав, как сильно привязался к этой девушке и сейчас боюсь, как бы ее слова не оказались простым приложением к ее настроению и минутному порыву: завтра страсти улягутся, станут ненужными, как билеты на вчерашнее представление.

Лилька по-девчоночьи прыснула в кулачок: этих гобеленов она никогда не видела, прочитала где-то, представила себе что-то очень красивое. Без фантазии жить скучно, да и чувствовать, любить по-настоящему может только человек с воображением. И она уже представила, что в этом году мы оба поступим учиться заочно: я в университет, она в библиотечный институт. До сих пор она жила в каком-то ожидании, а теперь начинается настоящее, на всю жизнь.

— Ты еще одного не знаешь! — Она села на пятки и начала нараспев читать:

Не строчками больших поэтов живут стихи в душе моей —
улыбкой каждого рассвета, добром и нежностью людей.
Как мать ждет сына или дочку, рождения стихов я жду,
но заключить их в оболочку из слов привычных не могу.
Они меня днем и ночами томят и мучат, как грехи,
не высказанные словами мои мечты, мои стихи...

Лилька на полуслове оборвала чтение и настороженно прислушалась: кто-то настойчиво стучал в дверь библиотеки. Проворно спрыгнула с дивана и, на ходу поправляя волосы, пошла открывать.

Я подумал, что последние полгода и для меня прошли в томительном ожидании, с неопределенным чувством неустроенности. Что-то подобное испытывал в армии, когда взводный на учениях давал вводную: «Ты убит!» БМП — боевая машина пехоты — по-прежнему полным ходом прет в атаку, разбрасывая гусеницами веера грязи и плавно покачиваясь на кочках, ребята азартно лупят с бортов из автоматов, а мне остается бездеятельно наблюдать за происходящим. Боб и компания бросались из одной крайности в другую, но даже ошибки свои делали искренне, у Глеба есть осознанная и четко определенная цель — вернуться в авиацию на пассажирские или транспортные самолеты, а я до сих пор болтаюсь в странной невесомости между небом и землей: демобилизованный солдат без армии и бывший студент без университета. Ремонтируя бытовую технику, отбывал в мастерской что-то вроде трудовой повинности; вечерами строил аппараты, чтобы как-то убить свободное время; в предстоящей учебе видел только возможность уехать из этого городка...

Полгода я выдумывал себе невероятно интересную жизнь в большом городе, а в это время здесь, на моей родине, построенный моим дедом завод выпускал продукцию, школы готовили учеников к выпускным экзаменам, в ДК открылась балетная студия — кто-то выполнял всю эту незаметную, но нужную работу. В конце концов, из университета я выйду учителем, и на уроках мне придется не только рассказывать мальчикам и девочкам о соцветиях, отряде беспозвоночных и многообразии животного мира, но и учить их отличать истинные цели человеческой жизни от ложных. А для этого надо самому научиться разбираться

в сложностях жизни и уметь видеть ее истинные ценности...

Даже если мама уедет с отцом, я останусь в этом городе: кто-то из нас должен присмотреть за плакучими ивами. Буду учиться заочно, работать, а в свободное время строить дельтапланы с незнакомыми еще ребятами с улицы Садовой и мебельной фабрики. Пусть полет сам по себе не цель, но это возможность оторваться от земли, испытать восторг от бьющего в лицо встречного ветра, проверить собственные силы в стремлении подняться выше и выше, и мне кажется, что когда-нибудь все люди будут жить в таком состоянии: в полете души, фантазии и мысли. Ведь не зря жители «Города Солнца» еще триста лет назад изобрели искусство летать, единственное, чего, кажется, недоставало миру!

В читальном зале слышался Лилькин голос, она заставляла кого-то лучше вытирать ноги. Вспыхнул свет. Я вышел из служебной комнаты. Настороженно поглядывая по сторонам, в зал входили парни в мокрых, блестящих от дождя куртках.

— Привет, Кирилл! — сказал Васька. — Вот, привел пополнение... Ждать до завтра нет никаких сил. — Он кивнул в сторону переминающихся с ноги на ногу друзей: — Они тоже хотят знать, почему дельтапланы летают...

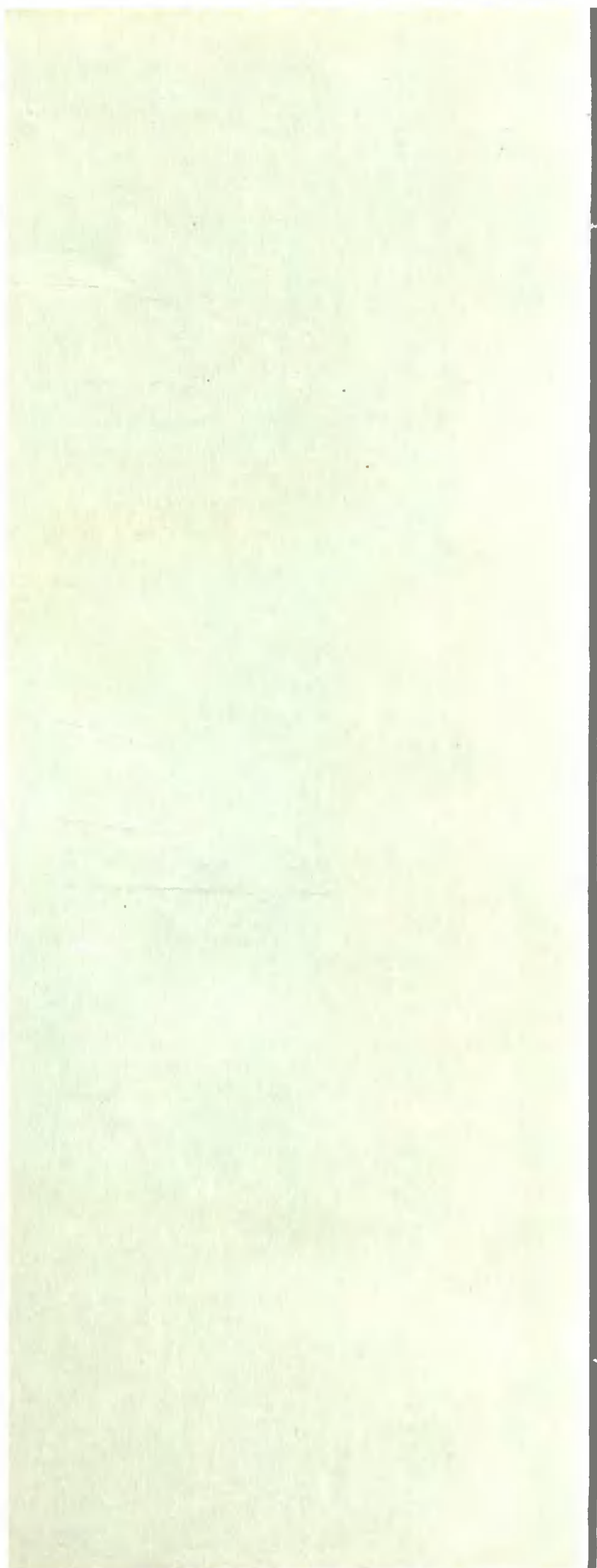
Андрей Александрович ШИШКИН
ВСТРЕЧНОГО ВЕТРА!

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**
Редактор **Ю. Михальцев**
Художественный редактор **В. Недогонов**
Технический редактор **Н. Александрова**
Корректоры **И. Тарасова, В. Авдеева**

Сдано в набор 06.08.81. Подписано в печать 28.10.81. А00898.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 2,8.
Учетно-изд. л. 2,8. Тираж 70 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1344.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного
Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

Отпечатано в типографии ордена «Знак Почета» издательства
ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес типографии: 252119, Киев-119,
Пархоменко, 38—42. Зак. 2478.

20 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ